ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Записки Павла Алексѣевича Тучкова.

.....«Идя стезею правды, встрѣчая преграды со стороны любимцевъ слѣпаго счастія, отражая клевету и злобу, труденъ былъ путь Тучковыхъ, и если воздаяніе заслугъ не всѣмъ изъ нихъ было удѣломъ, то взамѣнъ нѣкоторымъ предназначена награда свыше:— умереть во славу своего отечества».

Біографія Тучковыхъ, составл. П. А Тучковымъ, глава III, стр. 14.

I.

Дѣтство.

Дѣтство мое было коротко. Родившись въ 1803-мъ году 7-го апрѣля, въ 1817-мъ г. я уже оставилъ родительскій домъ офицеромъ генеральнаго штаба и отправленъ былъ въ главную квартиру 1-й арміи—въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

Слишкомъ коротко было это время и для наслажденія ощущеніями родительской нѣжности и для образованія моего. Успѣхъ въ наукахъ въ теченіи года же въ заведеніи генер. Муравьева далъ мнѣ право на званіе студента въ Московскомъ университетѣ будучи 12-ти лѣтъ отъ роду, и на чинъ прапорщика генеральнаго штаба въ 14-ти лѣтнемъ возрастѣ. Съ этимъ началомъ можно было ожидать многаго, если бы 4-е или 5-ть слѣдующихъ годовъ продолжались мои учебныя занятія. Объ этомъ потерянномъ времени, я постоянно чувствовалъ внутреннее сожалѣніе.

Годы дѣтства пронеслись съ быстротою молніи, и въ этой отдаленной отъ меня теперь эпохѣ рисуются еще ярко въ моемъ воображеніи и нѣжность матери, и попеченіе отца, и любовь ихъ — такъ глубоко врѣзавшаяся въ мое сердце—и роскошные дома, и богатая подмосковная, и бѣдныя семейства, призрѣнныя тамъ истинною добродѣтелью отца и матери. Разговоръ, слышанный тогда и преобладающій надъ прочими разсказами, былъ о моемъ дѣдѣ, о подвигахъ дядей, о военной ихъ доблести, и болѣе, о ихъ правилахъ чести и о тѣхъ выгодахъ по службѣ, которыя они принесли въ жертву благородству своему. Все это я выслушивалъ съ особенною жадностью въ самомъ младенчествѣ, и съ той ранней поры родилась во мнѣ внутренняя гордость принадлежать имени Тучковыхъ. Пріѣздъ на короткое время дядей моихъ въ Москву былъ въ то время, для насъ дѣтей, истиннымъ праздникомъ. Мы смотрѣли на нихъ какъ на существа исключительныя, и ихъ генеральскіе эполеты, звѣзды, кресты—еще болѣе поражали наше дѣтское воображеніе. Такъ до сихъ поръ еще запечатлѣнъ въ памяти моей образъ дядей Николая Алексѣевича и Александра Алексѣевича, которыхъ я видѣлъ въ послѣдній разъ въ 1811 году, когда мнѣ было 8 лѣтъ.

Въ этомъ году, 7-го февраля, меня и старшаго брата сдѣлали пажами къ Высочайшему двору, по личной просьбѣ дяди Николая Алексѣевича, который только и пользовался благорасположеніемъ царя для пользы ближнихъ, а не для себя. Такъ, онъ воспользовался минутою, когда императоръ Александръ сознавалъ заслуги его и спросилъ чего онъ желаетъ? Николай Алексѣевичъ питалъ особую дружбу къ отцу моему и принималъ сердечное участіе въ его семействѣ, всегда твердилъ ему, что домашнее воспитаніе вредно мальчикамъ и съ этою цѣлью исходатайствовалъ намъ званіе пажей. Черезъ 4 года послѣ того меня отдали въ университетскій пансіонъ и потомъ въ училище колонновожатыхъ Муравьева. Въ этомъ послѣднемъ заведеніи отлично приготовляли молодыхъ людей къ службѣ генеральнаго штаба и съ тѣмъ особеннымъ выборомъ юношей и съ тою отеческою заботливостью старика Муравьева ко всѣмъ намъ, которыя оставили невыразимое впечатлѣніе. Это былъ одинъ изъ годовъ юности, короткое время котораго на всю жизнь запечатлѣлось пріятнѣйшими воспоминаніями. И оно прошло слишкомъ быстро и насталъ часъ

разлуки съ товарищами, которые меня любили, съ семействомъ, въ которомъ я былъ истинно, совершенно счастливъ. Разлука была тягостна и долго юное сердце мое рвалось къ отцовскому дому, среди новыхъ впечатлѣній, сплывшихся отвлечь отъ него.

II.

Вступленіе въ службу.

Вступивъ на поприще службы, я былъ счастливъ первыми моими начальниками. Въ главной квартирѣ 1-й арміи князя Барклая де Толли, генералъ-квартирмейстеромъ былъ генералъ-маіоръ Мартынъ Николаевичъ Гартингъ. Онъ вспомнилъ службу свою подъ начальствомъ Николая Алексѣевича и по прибытіи моемъ—въ декабрѣ 1817-го года—въ Могилевъ, съ первой встрѣчи вселилъ въ меня особенную къ нему довѣренность дружескимъ обхожденіемъ и участіемъ къ моей молодости. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые попадаются рѣдко на этомъ свѣтѣ. Соединяя благородство души, доброту сердца съ рѣдкими достоинствами военнаго человѣка и обширными познаніями, онъ умѣлъ привлекать всѣхъ, кто только имѣлъ до него доступъ. Удаляя все, что могло трогать самолюбіе молодаго человѣка въ лѣта, гдѣ часто ставишь его въ томъ, въ чемъ не должно, Гартингъ умѣлъ заставить меня учиться ремеслу моему и быть внимательнымъ моимъ руководителемъ. Вселивъ охоту къ службѣ генеральнаго штаба, въ городѣ, не представлявшемъ никакихъ разсѣянностей, до которыхъ впрочемъ я никогда не былъ охотникомъ, все свободное время отъ службы я посвящалъ чтенію военныхъ книгъ, дѣлая изъ нихъ извлеченіе, и пользуясь библіотекою и совѣтами моего начальника. Упражненіе въ лѣтнее время съемкою, практическою малою войною и фронтомъ, пріучали къ глазомѣру и къ дѣйствіямъ войскъ. Года черезъ два я почувствовалъ съ особеннымъ самодовольствіемъ, что я сталъ на счету офицеровъ, которыхъ любили употреблять въ случаяхъ болѣе важныхъ. Начальникъ главнаго штаба Дибичъ, входилъ самъ въ образованіе офицеровъ генеральнаго штаба, часто смотрѣлъ насъ во фронтѣ, на аванпостной службѣ, на линейныхъ ученьяхъ кадрами и маневрахъ;—а потому зналъ каждаго изъ насъ лично. Ежедневно, по очереди, приглашались къ нему офи-

церы генеральнаго штаба къ обѣду и тамъ онъ, разговаривая съ каждымъ, узнавалъ степень способности его и образованія.

И такъ оконченное мое слишкомъ рано воспитаніе приняло направленіе спеціальное и по этому пути развивались мои понятія и вся будущность.

Первые успѣхи.

10-го декабря 1819 года меня произвели за отличіе въ подпоручики и на слѣдующій годъ, находясь при Высочайшемъ смотрѣ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса Бороздина, въ Воронежѣ, я былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Эти двѣ награды заставили меня далеко уйти впередъ отъ моихъ товарищей. Будучи часто командированъ къ войскамъ во время маневровъ, въ 1821 году былъ на Высочайшемъ смотру войскъ гвардейскаго корпуса въ Бешенковичахъ, въ 1823 г. въ г. Орлѣ при 2-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ барона Корфа, въ 1824 году въ Пензѣ при 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ князя А. И. Горчакова и въ 1825-мъ г. при гвардейскомъ корпусѣ, которымъ командовалъ тогда Войновъ. Въ это время я получилъ назначеніе дивизіоннаго квартирмейстера 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи подъ начальствомъ Его Высочества Великаго Князя Николая Павловича.

Между тѣмъ службою моею были довольны и въ 1823-мъ (3-го февраля) я былъ произведенъ въ поручики за отличіе, а въ 1825-мъ году (марта 29-го) въ штабсъ-капитаны.

Перемѣна домашнихъ обстоятельствъ.

Въ продолженіи всего этого времени нѣсколько разъ бывалъ я въ отпуску, и съ новымъ чувствомъ радости обнималъ родителей—друзей моихъ. Отецъ мой по мѣрѣ того, какъ я входилъ въ лѣта, дѣлался откровеннѣе часъ отъ часу со мною, и мы были съ нимъ совершенными друзьями. Не было ничего, что бы я скрывалъ отъ него. Какая нибудь вѣтренность молодости, первыя завлеченія, планы, мысли мои, все было ему извѣстно. И онъ не скрывалъ отъ меня ни малѣйшаго обстоятельства его жизни. Онѣ въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ перемѣнились ужасно: дома и

подмосковная картинная галлерея были проданы, большое тульское имѣніе также. Долги обременяли семейство. Это дѣйствовало ужасно на характеръ отца и часто заставалъ я его въ горькой задумчивости. Мать моя, примѣръ совершенной добродѣтели, переносила всѣ перемѣны положенія съ восхитительною твердостью, и была для насъ чуднымъ примѣромъ. Эти обстоятельства не могли не имѣть вліянія и на мое положеніе. Сначала будучи въ самомъ большомъ довольствѣ и даже въ роскоши для молодаго человѣка, я долженъ былъ умѣрить до того мои расходы, что были года, гдѣ я ограничивался однимъ жалованьемъ по службѣ. Жилъ скромно, не входя въ долги и ни разу не погрѣшилъ внутреннимъ даже упрекомъ моему отцу. Положеніе его слишкомъ было близко моему сердцу и въ пріѣздъ мой къ нему, часто удавалось мнѣ разгонять мрачныя мысли его, развеселить его, и тогда я чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Успѣхи мои по службѣ также утѣшали его.

Въ 1824-мъ году скончался достойнѣйшій изъ начальниковъ моихъ г. Гартингъ. Нельзя выразить того общаго сожалѣнія о немъ, которое я раздѣлялъ всѣмъ сердцемъ. Онъ умеръ въ одно время съ назначеніемъ его генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества и до отъѣзда моего въ Пензу обѣщалъ мнѣ перевести съ собою въ Петербургъ. Вмѣсто его назначенъ былъ г.-м. Бутурлинъ. Начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи былъ тогда уже Толль, смѣнившій Дибича, назначеннаго начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества. Главнокомандующимъ арміею былъ гр. Сакенъ.

Новый начальникъ мой Бутурлинъ былъ человѣкъ свѣтскій, учтивый, и хотя военный писатель у насъ извѣстный, но не имѣлъ никакихъ практическихъ военныхъ познаній. Онъ болѣе занимался своими сочиненіями и писалъ тогда Испанскую кампанію французовъ, въ которой онъ участвовалъ и для которой я имѣлъ порученіе составить карту театра дѣйствій. Этотъ трудъ сблизилъ меня съ Бутурлинымъ и былъ причиною его расположенія. Но въ маѣ 1825 года работа эта прекратилась назначеніемъ моимъ въ гвардейскій корпусъ.

Первая служба при в. к. Николаѣ Павловичѣ.

Прибывъ въ Петербургъ, передъ вступленіемъ въ лагерь войскъ гвардейскаго корпуса, я представился Его Высочеству, который принялъ меня въ кабинетѣ Аничкина дворца своего и черезъ нѣсколько дней мы выступили въ Красное село. Его Высочество самъ велъ дивизію свою, и расположился въ авангардномъ лагерѣ Краснаго села. Корпусный штабъ занималъ слободу Бартаминскую, гдѣ я соединился съ моими товарищами. Великій князь Николай Павловичъ имѣлъ нѣкоторое предубѣжденіе къ офицерамъ генеральнаго штаба и потому я былъ поставленъ въ положеніе весьма щекотливое. Недовѣрчивость его отстраняла меня отъ настоящей обязанности офицера при войскахъ и самолюбіе мое было оскорблено. Представился случай на одномъ линейномъ ученіи, гдѣ дивизія была первоначально поставлена однимъ изъ адъютантовъ Его Высочества, выразить, что при 2-й гвардейской дивизіи обязанность моя дѣлается излишнею. Великій князь, желая можетъ быть доказать, что онъ имѣлъ основаніе отстранять такимъ образомъ офицеровъ генеральнаго штаба, приказалъ, съ того дня, мнѣ ставить войска и чрезъ нѣсколько дней сдѣлалъ небольшой маневръ отъ деревни Горли по направленію къ Дудергофу, мѣстности, тогда весьма мало для меня извѣстной по нахожденію моему въ Красномъ селѣ въ первый разъ. Узнавъ однако случайнымъ образомъ о предлагаемомъ маневрѣ, я поспѣшилъ сдѣлать рекогносцировку и изучилъ эту мѣстность наилучшимъ образомъ. Съ этою увѣренностью я принялъ приказаніе Великаго Князя о первоначальномъ построеніи дивизіи. Подъѣзжая къ дивизіи, Его Высочество былъ доволенъ. Потомъ во время нѣсколькихъ часовъ маневра испытывая меня разными порученіями, и видя, что всякій разъ всѣ приказанія его и предположенія были исполняемы съ успѣхомъ и находчивостью, Великій Князь, по окончаніи маневра, въ лестныхъ выраженіяхъ изъявилъ благодарность свою и совершенно измѣнилъ свое обращеніе со мною. Я былъ приглашаемъ къ обѣду Его Высочества, какъ и товарищъ мой, находившійся при дивизіи в. к. Михаила Павловича, къ сему послѣднему,—и съ того дня я исполнялъ обязанность мою при 2-й гвардейской дивизіи, пользуясь довѣріемъ Его Высочества.

По окончаніи лагернаго времени получивъ порученіе снять топографическій маршрутъ по Смоленской губерніи, для проѣзда Государя Императора Александра въ Таганрогъ,—я представился своему дивизіонному начальнику, чтобы откланяться Его Высочеству и Великій Князь изъявилъ благоволеніе свое, выразивъ, что на будущее время онъ не захочетъ имѣть другаго офицера генеральнаго штаба при себѣ какъ меня. Но это было послѣднее время командованія его 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Черезъ три мѣсяца великій князь былъ—императоромъ.

III.

Порученіе въ Астрахань и Таганрогъ [1]).

— „По окончаніи съемки маршрутовъ, мнѣ было предписано лично вручить оные Дибичу при проѣздѣ его съ государемъ черезъ станцію Прискуху въ Псковской губерніи. На этой станціи, въ послѣдніе дни августа 1825 года, я дождался прибытія императора Александра. Здѣсь я имѣлъ случай въ первый разъ говорить съ Государемъ, человѣкомъ завлекательной наружности и съ невыразимо пріятными формами обращенія. Онъ спросилъ меня о родствѣ моемъ съ генералами Тучковыми, говорилъ, что зналъ мою бабушку и назвалъ ее по имени, сказавъ, что помнитъ ее. Потомъ лично далъ приказанія на счетъ порученія моего въ Астрахань и благосклонно простился со мною. Здѣсь Государь ночевалъ. На другой день я еще разъ видѣлъ его при отъѣздѣ съ ночлега и онъ еще разъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути. Вслѣдъ за нимъ я скакалъ курьеромъ и поворотилъ черезъ Дорогобужъ и Москву въ Астрахань.

Въ Астрахани я имѣлъ порученіе собрать свѣденія о сообщеніи между городомъ Уральскомъ и Астраханью и способахъ проѣзда Государя Императора въ томъ краѣ. Всѣ сіи свѣденія, какъ равно и статистическое описаніе губерніи, я отправилъ по эстафетѣ въ Таганрогъ. Дибичъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 23-го сентября 1825 г. изъявилъ особенную благодарность за исполненіе

[1]) Эта маленькая глава была приведена въ „Разсказахъ кн. Н. С. Голицына“, „Рус. Стар.“ 1880 г. кн. XI, стр. 740—742.

этого порученія, и собственноручно приписалъ нѣсколько строкъ, весьма лестныхъ. Въ предписаніи же его отъ 26-го сентября 1825 года, приказывая отправиться изъ г. Царицына (гдѣ я кончилъ съемку топографическихъ маршрутовъ) въ Таганрогъ, заключаетъ свое предписаніе словами: „При чемъ нужнымъ считаю вамъ повторить: работою не слишкомъ торопиться, но беречь здоровье ваше".

Привожу это какъ примѣръ попеченія и вниманія начальника, каковъ былъ Дибичъ, и какихъ рѣдко послѣ встрѣчали въ нашей службѣ. По предписанію этому я наконецъ прибылъ въ Таганрогъ и остановился съ товарищемъ моимъ Шенигомъ. На другой день я отправился являться къ Дибичу. Идя по узкому тротуару Таганрогской грязной улицы и остановясь противъ воротъ одного дома, спросилъ женщину, шедшую по двору: „Не здѣсь ли живетъ генералъ Дибичъ?", вмѣсто отвѣта, вдругъ почувствовалъ, что кто то взялъ меня за оба плеча сзади, и потомъ указывая на сосѣдній домъ, говоритъ: „Дибичъ живетъ въ этомъ домѣ". Узнавъ голосъ Государя, я хотѣлъ сойти съ тротуара, чтобы дать мѣсто, но Государь, не пуская меня, поздоровался и спрашивалъ объ окончаніи моего порученія. Потомъ вышелъ изъ грязи на тротуаръ и пошелъ далѣе, указавъ мнѣ еще разъ домъ Дибича.

Въ другой разъ мы сидѣли подъ окномъ съ Шенигомъ и глядѣли на пьянаго гарнизоннаго офицера, никакъ непопадавшаго на тротуаръ. Посмотрѣвъ въ противную сторону, мы замѣтили Государя, идущаго къ нему на встрѣчу противъ нашихъ окошекъ. Государь, поровнявшись съ нимъ, спросилъ его:

— „Гдѣ ты живешь? пойдемъ я доведу тебя, а то если тебя встрѣтитъ Дибичъ въ этомъ положеніи, тебѣ достанется, онъ престрогій", взялъ его подъ руку и повелъ въ первый переулокъ.

Можно вообразить, что пьяный офицеръ, узнавъ Государя, протрезвился.

Въ пребываніи Государя въ Таганрогѣ, онъ ежедневно прогуливался пѣшкомъ и рѣдко прогулка его не была ознаменована какою нибудь помощью бѣдному семейству, отысканному имъ самимъ, или какимъ нибудь благодѣяніемъ другаго рода.

Государю вздумалось однажды сдѣлать неожиданное удоволь-

ствіе императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, открывъ видъ на море въ городскомъ саду, гдѣ государыня часто прогуливалась и хотѣла проложить новую дорожку къ самому нагорному берегу. Государь приказалъ спросить кого нибудь изъ насъ, не возьмемъ ли мы на себя распорядиться этою работою и тотъ, кто пожелаетъ, явился бы на другой день въ садъ, гдѣ найдетъ самаго Государя. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ мы были счастливы исполнить желаніе Государя, но когда надо было одного только, то я, какъ старшій, получилъ приказаніе явиться въ садъ. Съ очаровательною любезностью Государь объяснилъ свое желаніе и велѣлъ взять людей изъ рабочаго баталіона, съ тѣмъ чтобы къ слѣдующему утру работа была готова. На другой день, едва все было отдѣлано, Государь прибылъ въ садъ, дошелъ по новой дорожкѣ до берега моря и полюбовался видомъ, поблагодарилъ меня и приказалъ дождаться на этомъ мѣстѣ императрицы, а самъ пошелъ къ ней на встрѣчу. Черезъ короткое время государь съ императрицею, прогуливаясь по саду, подошли къ новой дорожкѣ и императрица узнала вниманіе государя къ желанію ея, ибо она нѣсколько разъ изъявляла сожалѣніе, что въ саду закрытъ видъ на море. Послѣ изъявленія чувствъ своихъ, государь поцѣловалъ у нея руку и они долго любовались видомъ. Потомъ государь представилъ меня императрицѣ, и когда она удалилась, государь подозвалъ меня, поблагодарилъ еще разъ и, вынувъ изъ кармана коробочку съ перстнемъ, вручилъ мнѣ, сказавъ: „вотъ тебѣ на память за труды твои“. И въ этомъ прояснялась утонченность чувствъ государя; онъ считалъ работу эту внѣ обязанностей службы и хотѣлъ наградить безъ формы офиціальности.

Жизнь въ Таганрогѣ имѣла особенный характеръ. Государь жилъ какъ частный человѣкъ, безъ свиты и придворнаго экипажа, и никто изъ служащихъ, безъ особеннаго приказанія, не могъ пріѣхать въ его уединеніе.

Мы приглашались иногда къ обѣду государя и иногда видали государя съ императрицею въ клубѣ, гдѣ государь танцовалъ польскій съ незнаменитыми горожанками Таганрога. Мы не знали долго ли продлится пребываніе императора въ этомъ городѣ и желали только, чтобы насъ оставили при его небольшой свитѣ.

Скоро государь отправился въ Крымъ и, по возвращеніи, слишкомъ скоро постигло событіе, поразившее Россію искреннею скор-

бію. Я былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ государя, былъ свидѣтелемъ бальзамированія его тѣла, дежурилъ при немъ и когда тѣло положено было на катафалокъ въ залѣ, то у подножія его стоялъ на часахъ. Видѣлъ какъ нѣсколько разъ въ теченіи ночи императрица, изсохшая въ теченіи нѣсколькихъ дней, безъ слезъ и рыданій, въ черномъ одѣяніи, откидывала покрывало свое, входила на ступени гроба и долго не сводила глазъ съ усопшаго супруга.

Я проводилъ тѣло императора до Москвы—гдѣ, получивъ отпускъ, дождался прибытія войскъ, собиравшихся на коронацію императора Николая и былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ по части генеральнаго штаба при штабѣ своднаго гвардейскаго и гренадерскаго корпуса. Въ память этой незабвенной эпохи я получилъ серебряную медаль съ изображеніемъ Александра, въ числѣ офицеровъ, находившихся на дежурствѣ при гробѣ покойнаго Императора (предписаніе ген.-квар. 1-й арміи отъ 4 сентября 1826 года за № 876).

IV.

Порученіе Константинопольское.

Въ Москвѣ я дождался прибытія своднаго гвардейскаго корпуса для торжества коронаціи императора Николая I, исправляя должность старшаго адъютанта по части генеральнаго штаба при начальникѣ штаба сихъ войскъ г.-а. Нейдгардтѣ; дѣла было много по приготовленіямъ къ торжественнымъ церемоніямъ, смотрамъ и маневрамъ, и среди этихъ занятій получилъ внезапно приказаніе явиться къ генералу Дибичу. Дѣло состояло въ командированіи меня въ Константинополь по случаю разрыва, предполагаемаго съ Портою, для собранія военныхъ свѣдѣній. Дибичъ объяснилъ лично порученіе, на меня возлагаемое, и сообщилъ повелѣніе государя представиться къ нему лично на другой день. 14-го августа 1826 года, по утру, я пріѣхалъ въ Николаевскій дворецъ и въ первый разъ явился къ государю, послѣ восшествія его на престолъ и послѣ того времени, когда я состоялъ при 2-й гв. дивизіи, которою онъ командовалъ, годъ передъ тѣмъ будучи великимъ княземъ. Государь принялъ меня благосклонно, вспомнилъ

мою службу при 2-й дивизіи и говорилъ о порученіи, мнѣ данномъ. Потомъ спросилъ: „Ты такъ внезапно уѣзжаешь, что если у тебя есть какія дѣла, то поручи ихъ мнѣ". Я вспомнилъ, что нѣсколько десятковъ лѣтъ тянули дѣло отца моего по размежеванію имѣнія, пожалованнаго императоромъ Павломъ, и доложилъ о томъ государю; его величество повелѣлъ подать записку черезъ Дибича, на которую послѣдовала резолюція: „рѣшить не въ очередь другихъ дѣлъ и ежемѣсячно доносить государю о ходѣ дѣла". Этою вѣстью я поспѣшилъ обрадовать отца, который оставался еще въ Москвѣ; остальное все семейство отправилось уже на житье въ село Яхонтово, послѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, разстроившихъ состояніе. 15-го августа, купивъ партикулярное платье, я отправился въ немъ курьеромъ въ Одессу къ гр. Воронцову съ депешами. Воронцовъ, Рибопьеръ и пр. вели тогда переговоры въ Аккерманѣ съ турецкими посланными.

22-го августа, въ день коронаціи, я явился гр. Воронцову въ Одессѣ. Онъ принялъ меня какъ старый бояринъ русскій, съ тою утонченною ласкою и радушіемъ, которыя съ первой минуты привлекаютъ къ себѣ каждаго. 24-го я пріѣхалъ къ графу на хуторъ Рено и оттуда въ четвероместной открытой каретѣ мы отправились въ Аккерманъ. Съ нами были Сафоновъ и Щербининъ; они поперемѣнно читали журналы и такимъ образомъ незамѣтно доѣхали до Овидіополя, гдѣ сѣвъ на приготовленную лодку, переѣхали черезъ Днѣстрскій лиманъ въ теченіи трехъ часовъ и вышли въ Аккерманъ на берегъ. Мы всѣ собрались къ обѣду въ палатку графа, гдѣ я познакомился съ Рибопьеромъ, Антономъ Фонтономъ и Фридингомъ. Получивъ депеши къ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, я отправился въ тотъ же день далѣе и проѣхавъ Кишеневъ и Скуляны, на другой день прибылъ въ Яссы, остановясь въ домѣ нашего консула Лелли.

Путешествіе въ краѣ, совершенно для меня новомъ, представляло много любопытнаго. Тутъ все имѣетъ какую-то особенность, встрѣчаемую только на востокѣ. Въ Яссахъ мнѣ дали конвойнаго татара отъ турецкаго правительства, и не взирая на малый багажъ нашъ, посадили насъ въ три каруцы, запряженныя каждая четверною маленькихъ лошадей. До Фокшанъ, т. е. за 13 почтъ, я заплатилъ 52½ піастра. 27-го въ Фокшанахъ намъ сказали, что чума въ Букарестѣ уменьшается, но за этимъ городомъ и въ

Румеліи она еще ужасно свирѣпствовала. Эта вѣсть дѣлала непріятное впечатлѣніе, хотя татаринъ мой Мюри-Махметъ и курьеръ Малиновскій, привыкшіе ко всѣмъ непріятностямъ края, старались представить мнѣ маловажность этого обстоятельства. Въ этотъ день я проѣхалъ знаменитый Рымникъ, м. Бузю и на другой день, 28-го августа, въ 10 часовъ утра, въѣхалъ въ Букарестъ, проѣхавъ отъ Фокшаны 10 станцій и заплативъ 45 піастровъ.

Букарестъ представлялъ мѣсто точно послѣ осады: улицы были пусты, дома заперты и среди дня я насилу достучался до нашего консула Хатова, къ которому наконецъ допустили меня со всѣми карантинными предосторожностями,—такъ еще все было подъ вліяніемъ страха послѣ жестокой чумы, опустошившей городъ. Въ Букарестѣ пробывъ не болѣе 4-хъ часовъ времени, сколько нужно было получить бумаги отъ консула къ нашему повѣренному въ дѣлахъ, въ 2 часа пополудни, я отправился далѣе. Заплативъ 22½ піастра за 5 станцій до крѣпости Журжи, сѣли мы въ три наши каруцы и съ радостью оставили Букарестъ, показавшійся намъ какимъ-то кладбищемъ. Не доѣзжая станціи до Журжи, мы рѣшились ночевать, чтобы не переправляться ночью за границу Турціи, откуда я долженъ былъ начать рекогносцировку пути отъ Рущука до Константинополя.

29-го августа, на разсвѣтѣ, мы остановились передъ воротами крѣпости Журжи. Мюри-Махметъ отправился къ турецкому начальству для показанія паспорта, а я, отпустивъ каруцы, сѣлъ на чемоданъ и нетерпѣливо ждалъ его возвращенія. Утро было прекрасное; надъ воротами крѣпости, подъ навѣсомъ, сидѣлъ турецкій часовой, куря наргиле свой и по временемъ затягивая заунывную пѣсню. Впереди виднѣлся Рущукъ за Дунаемъ. Изъ крѣпостныхъ воротъ выходили къ рѣкѣ мущины и женщины за водою, въ своихъ пестрыхъ костюмахъ, и рѣдкій изъ проходившихъ не бросилъ на меня презрительнаго взгляда съ прибавленіемъ слова джіаура. Малиновскій въ полголоса отвѣчалъ на брань, не смѣя возвысить голоса, боясь послѣдствій. Наконецъ возвратился татаринъ нашъ и мы поплелись къ Дунаю, неся нашу небольшую поклажу съ пожитками.

Переѣхавъ Дунай на турецкой лодкѣ и войдя въ улицы города, меня поразила картина самая ужасная. Тутъ свирѣпствовала чума во всей ея силѣ: на улицахъ валялись мертвыя тѣла,

носили больныхъ, умирающіе стонали, однимъ словомъ, подъ вліяніемъ этого новаго впечатлѣнія и разныхъ ругательствъ, особенно отъ женщинъ, которымъ всякій европеецъ подвергается въ турецкихъ городахъ, мы наконецъ выѣхали изъ Рущука верхомъ на почтовыхъ лошадяхъ. Впереди ѣхалъ суруджи (ямщикъ), держа въ поводу лошадь съ нашимъ вьюкомъ; за нимъ татаринъ подгонявшій вьюкъ и самаго суруджи, потомъ я съ курьеромъ Малиновскимъ. Мы ѣхали скоро, и не имѣвъ предосторожности запастись собственнымъ сѣдломъ, я долженъ былъ все путешествіе совершить на безпокойномъ турецкомъ сѣдлѣ. Не доѣзжая 10 верстъ до Разграда, мы остановились ночевать въ хатѣ одного болгара. Тутъ я привелъ въ порядокъ свои топографическія свѣдѣнія и нѣсколько ноги свои, стертыя отъ непривычки къ турецкому сѣдлу. На другой день, рано выѣхавъ изъ д. Есинчи, доѣхали мы благополучно до Разграда, гдѣ перемѣнивъ лошадей, которыхъ я прямо нанялъ до Карнабата, оставляя въ сторонѣ Шумлу, пустились вскачь до Утюклере. Выѣзжая изъ этого селенія, мы увидѣли Балканы, синѣющіе вдали, и доѣхали въ этотъ день до подошвы ихъ, гдѣ и ночевали въ с. Драгойкіой. Отъ Рущука до Балканъ, какъ мѣстность, такъ и бѣдныя селенія болгаръ, не представляютъ ничего разнообразнаго; мѣстами встрѣчаются близъ дороги фонтаны, которые такъ благодѣтельны для путешественниковъ по Турціи.

31 августа, съ самаго утра, мы начали подыматься на горы и спускаясь съ хребта по каменистой тропинкѣ, мы скакали во всю прыть. Лошади такъ хорошо пріучены, что скользя по каменистымъ ступенямъ, не спотыкаются и съ дикимъ крикомъ нашего суруджи, ѣзда эта мнѣ показалась весьма пріятною, какъ совершенная для меня новость. Иногда татаръ мой затягивалъ свою дико-унылую пѣсню, прерываемую хлопаньемъ бича; иногда останавливались мы на привалѣ минутъ на пять у живописнаго фонтана съ холодною ключевою водою, и освѣженные снова пускались вдоль струившейся рѣчки, быстро бѣгущей съ южнаго ската горъ, среди роскошной благоуханной зелени. Въ Балканахъ мы встрѣтились съ курьеромъ нашимъ, ѣхавшимъ изъ Константинополя. Встрѣча съ русскимъ, въ эту минуту, была самая пріятная. Остановясь на нѣсколько минутъ, мы разспросили другъ друга о всемъ, что тогда было у насъ любопытнаго, и пожелавъ счастли-

ваго пути, разъѣхались въ разныя стороны. Спустясь съ горы, намъ открылась великолѣпная долина Карнабатская. Тутъ иная растительность, иное богатство полей и луговъ. Все постепенно указывало приближеніе къ югу. Въ Карнабатѣ, перемѣнивъ лошадей, въ тотъ же день доѣхали до Уранъ-Кіой на ночлегъ. 1-го сентября, проѣхавъ до Факы, ночевали въ д. Канары, 2-го въ г. Молебургжѣ, перемѣнивъ лошадей въ Кирниссеѣ. Въ Молебургжѣ мы долго отыскивали помѣщенія для нашего ночлега; и послѣ долгихъ переговоровъ переводчика моего съ хозяиномъ хана (постоялаго двора) и Мюрп-Махметомъ, Малиновскій объявилъ мнѣ, что въ этомъ хану есть одна комната, но хозяинъ боится предложить, потому что изъ нея только что вынесли умершаго отъ чумы. Ознакомясь уже съ чумою и видя невозможность остеречься отъ нея, прикасаясь безпрестанно ко всему, что проходитъ черезъ руки турокъ, я сдѣлался совершенно равнодушнымъ къ ней, и войдя въ показанную компату, радъ былъ броситься на низенькій диванъ, служившій, по всей вѣроятности, смертнымъ одромъ умершаго турка, подложилъ подъ себя клеенчатый плащъ, воображая, что онъ защититъ меня отъ заразы, и преблагополучно проспалъ до слѣдующаго утра,—такъ усталость отъ верховой ѣзды меня утомила.

На слѣдующій день рано утромъ мы выѣхали и въ тотъ день проѣхавъ г. Чорлу, ночевали въ Силивріи, на берегу Мраморнаго моря. Растительность, часъ отъ часу, принимала болѣе характеръ южнаго климата. Платаны, каштановыя деревья, кипарисы, встрѣчаются въ каждой долинѣ. По обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ на открытыхъ стѣнахъ кофейныхъ вьется виноградникъ и сплетясь сводомъ надъ головою вашею, спускаетъ свои роскошныя кисти. По обѣ стороны этого свода вы видите внутри кофеенъ молчаливыхъ турокъ, сидящихъ безпечно въ пестрыхъ костюмахъ за чашкою кофе и за дымящимся наргиле. Вообще вы начинаете ощущать нѣгу востока. Нѣтъ предмета, который бы сходенъ былъ съ предметами, составлявшими до того ваши привычки, вашу обыкновенную жизнь.

4-го сентября, въ суботу, проѣхавъ таможенную заставу въ Кучукъ Чекмедже, мы переѣхали на лодкѣ константинопольскій портъ и къ 4-мъ часамъ пополудни вошли въ домъ нашей коммерческой канцеляріи въ Перѣ, гдѣ г. Македонцевъ, началь-

никъ канцеляріи, озаботился зготовленіемъ лошадей, чтобы доѣхать немѣшкая до Буюкдере.

На 7-й день моего утомительнаго путешествія отъ Рущука, я достигъ Константинополя. На ночлегахъ, когда всѣ окружающіе меня предавались безпечному сну, я вставалъ съ постели, дополнялъ съ памяти всѣ собранныя свѣдѣнія, и не взирая на скорость путешествія и на затрудненія рисовать при свидѣтеляхъ снимаемую мѣстность, мнѣ удалось представить самыя удовлетворительныя свѣдѣнія о пути, мною избранномъ. Тутъ забота моя кончилась, и короткое разстояніе до Буюкдере я могъ проѣхать, не отвлекая себя отъ удовольствія смотрѣть на окружающее съ точки зрѣнія обыкновеннаго путешественника. Это удовольствіе можетъ только понять офицеръ генеральнаго штаба настоящимъ образомъ и оцѣнить эту минуту бездѣйствія послѣ постояннаго напряженія во время рекогносцировки.

Въ восьмомъ часу вечера сѣли мы на коней и поскакали тѣмъ же порядкомъ въ Буюкдере. Проѣхали мимо кладбища, самаго живописнаго, въ кипарисовой рощѣ. Начало смеркаться; но мы продолжали скакать, какъ вдругъ татаръ мой, поворотивъ проводника съ вьюкомъ далеко вправо отъ дороги, подскакалъ ко мнѣ и въ какомъ то изступленіи заставилъ насъ также съѣхать на значительное разстояніе отъ дороги; не отвѣчая ни слова на наши вопросы, онъ показалъ на показавшуюся толпу, проговоривъ: „султанъ“,—и мы черезъ нѣсколько минутъ увидѣли Махмута, окруженнаго свитою, возвращавшагося въ Константинополь. Въ сумеркахъ, кромѣ пестрой толпы, мы ничего не разглядѣли, и свернувъ опять на нашу дорогу, поскакали далѣе. Подъѣзжая къ Буюкдерской долинѣ, не убавляя быстроты нашего алюра, мы долго съѣзжали со ската горы и, наконецъ, оставя влѣво извѣстное, по огромной величинѣ и красотѣ своей, платановое дерево, въѣхали въ деревню. Вдоль узкой улицы, подъ сводомъ виноградника, изъ кофеенъ весьма ярко клубился дымъ наргиле и пестрѣлись чалмы сидящихъ турокъ. При освѣщеніи огня, видъ этого свода былъ очаровательный. Наконецъ, выѣхавъ изъ деревни, мы увидѣли слѣва возвышавшіеся прекрасные дома, съ ихъ терасами и садами; вправо ударяли волны Босфора на набережную. Мы остановились у воротъ прекраснаго дома, отстающаго отъ рѣшетки на небольшое пространство, изпещренное пирамидами бенгальскихъ

розъ. По обѣ стороны дома двухъ этажные флигеля доходили до улицы. Привратникъ, съ большою предосторожностью, впустилъ меня за рѣшетку, оставя всю свиту мою на улицѣ, и я поспѣшилъ вручить депеши мои повѣренному въ дѣлахъ Мингаки. Пока разбирали шифрованныя депеши мои, Мингаки, не зная моего званія, встрѣтилъ меня съ какимъ то смущеніемъ и оставилъ одного въ первой комнатѣ ожидать окончанія ихъ чтенія. Наконецъ вышелъ ко мнѣ опять изъ сосѣдней комнаты, но уже съ самою утонченною вѣжливостью и извиненіями. Секретарь миссіи Карлъ Жерве, которому онъ поручилъ помѣстить меня и успокоить, взялся за свое дѣло съ такою милою привѣтливостью, что черезъ два часа, отужинавъ вмѣстѣ и наговорясь вдоволь, разстались пріятелями. Онъ проводилъ меня въ правый флигель, и въ прекрасныхъ комнатахъ на берегу Босфора, я въ первый разъ легъ на покойную постель, съ спокойнымъ и веселымъ духомъ и проспалъ до утра какъ убитый. Малиновскій, расчитавшійся съ суруджи и татариномъ, отправился къ знакомому привратнику посланникскаго дома.

5-го сентября, въ воскресенье, пробужденіе мое было самое пріятное. Солнце давно уже освѣтило внутренность моей комнаты,—я взглянулъ въ окно—передо мною красивыя воды Босфора испещрены были и бѣлыми парусами, и пестрыми турецкими каиками. Противный берегъ возвышался съ своими разнообразными кіосками, павильонами, садами; надъ ними господствовала гора Гиганта съ дикою своею физіономіею, съ гробницею, виднѣвшеюся на вершинѣ. Скоро навѣстилъ меня Жерве и за нимъ внесли намъ завтракъ съ ливанскимъ кофеемъ и съ трубками. Мы бесѣдовали все утро вмѣстѣ, любовались ни съ чѣмъ несравняемою природою—дышали тѣмъ ароматнымъ воздухомъ, который посылаетъ вамъ окружающая растительность черезъ вѣяніе вѣтра Босфора. Въ 2 часа я отправился къ Мингаки, познакомился съ его семействомъ и съ первымъ секретаремъ барономъ Рикманомъ, умнымъ и благороднымъ человѣкомъ. Вообще жизнь чиновниковъ миссіи самая патріархальная. Здѣсь всѣ связаны тѣснѣе, чѣмъ въ европейскихъ посольствахъ, всѣ живутъ въ одномъ домѣ, составляютъ одно семейство. Здѣсь нѣтъ ни гостинницъ, ни ресторановъ. Всѣ потребности эти соединены въ домѣ посольства—

обѣдъ общій у посланника. Казна отпускаетъ на это особенную сумму.

Пріѣздъ мой въ Константинополь былъ вскорѣ послѣ истребленія янычаръ султаномъ Махмутомъ. Кровавые слѣды преслѣдованія сихъ послѣднихъ еще продолжались. Ужасъ картины этого жестокаго происшествія держалъ еще всѣхъ подданныхъ султана въ нѣмомъ оцѣпененіи. Въ числѣ ихъ пероты—классъ людей особенный отъ другихъ характеромъ, и имѣющій съ европейцами близкія отношенія, но преданные султану—одни, которые осмѣливались, вопреки общему мнѣнію, выражать восторгъ къ кровавому подвигу Махмута, какъ къ просвѣщенному преобразователю своей имперіи. Съ этой эпохи началось и устройство регулярныхъ войскъ въ Турціи. Имѣя порученіе собрать свѣдѣнія о всемъ, что касалось до военнаго преобразованія,—я занялся этимъ предметомъ и представилъ отчетъ въ особенномъ донесеніи, весьма любопытномъ, копія съ котораго и теперь хранится въ моихъ бумагахъ. Между занятіями моими, свободное время я употребилъ для осмотра всего любопытнаго въ Константинополѣ. Не стану описывать этихъ рѣдкостей;—кому онѣ въ настоящее время неизвѣстны? Скажу только, что по тогдашнему характеру этого края, всѣ прогулки въ этомъ отношеніи сопровождались большими затрудненіями, а иногда и непріятностями; какъ потому, такъ и по короткому времени, мнѣ оставшемуся, я все осмотрѣлъ поверхностно; но кажется не упустилъ ничего, что составляло тогда предметъ любопытства путешественника. До 13-го сентября, дня моего выѣзда, я успѣлъ также видѣть окрестности города, осмотрѣть водохранилище Бельграда, батареи Босфора, видѣть любопытное ученье новыхъ регулярныхъ войскъ на площади гиподрома, взойти на первый и второй дворъ султанскаго дворца, гдѣ съ отвращеніемъ взглянулъ на головы, уши и носы несчастныхъ грековъ, украшавшихъ, какъ трофеи, въѣзды въ сераль султана.

Поѣздка въ море.

13-го числа, въ часъ по полудни, я выѣхалъ изъ Буюкдере, нанявъ четырехвесельную греческую лодку до Варны за 400 піастровъ. Намѣреніе мое было осмотрѣть удобныя мѣста для высадки вдоль берега Чернаго моря отъ устья канала до Варны и

потомъ, возвращаясь къ границѣ, обозрѣть береговой путь отъ Варны. Четыре гребца, Малиновскій и татаринъ, данный для конвоя, усѣлись со мною въ небольшую лодку, взявъ съ собою продовольствіе на три дня. Мы успѣли въ этотъ день отъѣхать одну милю отъ Фанараки, гдѣ и ночевали подъ открытымъ небомъ, въ кустахъ, покрывавшихъ берегъ. На другой день отправились довольно рано, вѣтеръ дулъ противный, облака начали собираться на небѣ, мелкій дождь съ холодомъ непріятно пронизывалъ насъ, но съ нѣкоторымъ усиліемъ мы успѣли доѣхать до мыса Карабурну, при которомъ и расположились на ночлегѣ.

Крушеніе.

15-ое сентября 1826 г. былъ замѣчательный день моего путешествія. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ берега, западный вѣтеръ началъ дуть сильно, небо стало покрываться тучами, пошелъ мелкій дождь, море взволновалось, дѣлаясь часъ отъ часу бурливѣе; гребцы наши смутились; не имѣя болѣе силы владѣть веслами, они сложили ихъ, предоставя рулевому участь нашего плаванія, и сами замолкли. Въ эту минуту опасности мы не добились отъ нихъ ни одного слова и на вопросы мои они отвѣчали, указывая на небо и преклоняя голову. Буря усиливалась, волны сильнѣе ударяли о бортъ, заливая лодку,—тогда рулевой, внимательный къ своему дѣлу, подалъ знакъ отливать воду. Мы принялись работать, руки костенѣли отъ холода. Начинало смеркаться; нѣсколько часовъ уже какъ берега скрылись изъ вида, ночь была страшная. Порывы вѣтра дѣлались сильнѣе, мы выбились изъ силъ и предвидѣли опасность неминуемую. Каждая волна грозила опрокинуть лодку; но вотъ послѣдній сильный ударъ—лодка не устояла, я ухватился обѣими руками за бортъ—и погрузился въ воду. Я очнулся, слышу вокругъ себя голоса, чувствую себя въ рукахъ одного изъ гребцовъ. Наконецъ я понялъ, что подъ ногами нашими мель. Эта песчаная мель простиралась отъ прибрежныхъ утесовъ на дальнее разстояніе. Промыслъ Божій указалъ это мѣсто для нашего крушенія. Въ водѣ по поясъ, начали мы добираться до ближайшаго острова. Впереди шелъ одинъ изъ гребцовъ, знавшій мѣстность лучше другихъ, и держа одинъ конецъ

весла, подалъ другой Малиновскому, который шелъ сзади, а за него уцѣпился и я. Остальные люди остались распоряжаться лодкою. Шаговъ двѣсти оставалось до острова, вода мелѣла и наконецъ мы благополучно добрели до твердой земли. Съ какою радостью, выйдя на утесъ, мы соединились единою мыслію, осѣнивъ себя крестомъ и возблагодаривъ Господа за чудесное наше избавленіе отъ вѣрной гибели. Съ трудомъ добившись огня и разложивъ костеръ изъ сухихъ сучьевъ въ густомъ кустарникѣ, мы съ усердіемъ принялись грѣться и сушить платье, которое уцѣлѣло на насъ. Шинель, шапка, запасъ нашего продовольствія,—все осталось въ водѣ. Всю ночь мы лежали у огня; но мнѣ было холодно: внутренняя дрожь пробѣгала по всѣмъ жиламъ. Я не могъ уснуть, глаза отяжелѣли, голова горѣла,—это были первые признаки начинавшейся болѣзни.

16-го числа, за 6 миль отъ Мидіи, мы пристали къ берегу и, взявъ лошадей, отправились верхомъ въ этотъ городъ. Всю дорогу я чувствовалъ лихорадочное состояніе и насилу могъ сидѣть на лошади. На слѣдующій день я не въ состояніи былъ ѣхать далѣе и остался въ хану; но 17-го утромъ, желая дотащиться какъ нибудь скорѣе до границы, мы взяли лошадей и пустились далѣе, но силы начали оставлять меня, жаръ и головная боль до того усилились, что переводчикъ мой долженъ былъ держать меня подъ руку, чтобы я не упалъ съ лошади. Проѣхавъ девять часовъ отъ Мидіи, кое какъ мы добрались до деревни Серіанъ. Въ этомъ греческомъ селеніи, увидя положеніе мое, жители не хотѣли пустить меня въ дома свои, полагая, что я боленъ чумою, и наконецъ одинъ изъ нихъ сжалился, отведя сарай на концѣ селенія, безъ крыши, куда послали мнѣ въ уголъ соломы. Едва я добрался до этой мокрой постели, и покрывшись ковромъ, за дорогія деньги купленный у хозяина, я впалъ въ безпамятство.

Подъ открытымъ небомъ, безъ всякой помощи, подъ дождемъ, лившимъ все время, я пролежалъ въ этомъ положеніи до 24-го числа, и пришелъ въ память около вечера того дня, весьма удивленный, видя себя на хорошей постели въ чистой комнатѣ. Первый предметъ, на который я взглянулъ съ удивленіемъ, это былъ Жерве, пріѣхавшій съ докторомъ.

Этотъ благородный и рѣдкаго сердца другъ, не взирая на кончившійся срокъ ультиматума, данный Портѣ, и не зная еще,

что она приметъ предложенныя условія, но ожидая скорѣе противнаго, слѣдовательно ожидая остаться въ плѣну у турокъ,— онъ, по первому извѣщенію моего переводчика съ посланнымъ татарномъ, тотчасъ взялъ въ Перѣ доктора и прискакалъ ко мнѣ, чтобы избавить отъ вѣрной смерти. Найдя меня въ томъ ужасномъ положеніи, о которомъ онъ и нѣсколько лѣтъ спустя не могъ безъ слезъ вспомнить, онъ завоевалъ, можно сказать, силою хорошую комнату въ этомъ селеніи и на своихъ рукахъ перенесъ меня. Со мною долго хлопотали, чтобы привести въ чувство и къ вечеру, только послѣ кровопусканія, я очнулся. Еще сутки остались мы въ Серіанѣ, чтобы нѣсколько собраться съ силами, и 26-го, въ приготовленной арбѣ, меня уложили на мягкомъ пуховикѣ; возлѣ меня ѣхали Жерве, докторъ и остальные мои спутники. Часто Жерве сходилъ съ лошади, садился у меня въ ногахъ, стараясь развлекать грустныя мои минуты; заботился обо мнѣ, могу сказать, съ нѣжностью рѣдкой дружбы. Три дня мы ѣхали до Буюкдере. 29-го сентября, подъѣзжая къ этому мѣсту, Жерве сѣлъ со мною и навелъ разговоръ на дѣла наши съ Портою. Мало по малу онъ приготовилъ меня къ тому, что три дня тому назадъ кончился ультиматумъ и если наша миссія выѣхала изъ Константинополя, то намъ придется искать убѣжища въ какомъ нибудь иностранномъ посольствѣ. Тогда я понялъ всю жертву, которую принесъ Жерве его дружбой ко мнѣ—я со слезами бросился ему на шею. Эта чувствительная сцена была прервана встрѣчею съ однимъ изъ чиновниковъ французской миссіи, который объяснилъ намъ, что наше посольство въ Буюкдере, что Порта согласилась на всѣ предложенія и что скоро посланникъ нашъ Рибопьеръ долженъ прибыть сюда. Эта вѣсть насъ сдѣлала совершенно счастливыми, и черезъ полчаса я отдыхалъ на постелѣ въ покойной комнатѣ милаго моего товарища; но болѣзнь моя еще продолжалась болѣе мѣсяца, и только 4-го ноября я перешелъ на свою квартиру отъ добраго Жерве.

Остальные два мѣсяца до наступавшаго 1827-го года, я провелъ семейно въ нашей миссіи, ожидая извѣстія о времени выѣзда нашего посольства изъ Одессы, дабы воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобы обозрѣть еще нѣкоторыя пути европейской Турціи, выѣхавъ на встрѣчу посланнику.

Въ крещеніе 1827 года я выѣхалъ изъ Перы, истребовавъ

черезъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ фирманъ отъ Порты, и татаръ для конвоя и взявъ съ собою переводчика. Въ этотъ день я ночевалъ въ Кучукъ-Чекмедже и на пути встрѣтилъ Бея, ѣхавшаго въ какой-то странной каретѣ, запряженной табуномъ лошадей и окруженнаго многочисленнымъ конвоемъ. 7-го ночевалъ въ Силивріи, 8-го въ Чорлѣ и 9-го въ Кристралѣ. Я нѣсколько часовъ долженъ былъ ожидать въ этомъ селеніи возможности переправиться черезъ Суджакдере. Рѣчка эта, которую переѣзжаютъ обыкновенно въ бродъ, отъ дождей преобразовалась въ глубокій протокъ. Вода нѣсколько спала и мы кое-какъ переправились вплавь, доѣхавъ 10-го января до Киркліссы, гдѣ отвели мнѣ квартиру у богатаго грека, весьма удобную и покойную. На другой день я ночевалъ, доѣхавъ до Асъ-кіой, и 12-го января въѣхалъ въ Адріанополь, остановясь у нашего консула Іосифа Фонтона, который принялъ меня съ любезнымъ гостепріимствомъ. M-lle Térèse, хорошенькая дочь его, играла роль милой хозяйки и два дня, проведенные мною въ этомъ семействѣ, были пріятнымъ отдохновеніемъ на скучномъ пути моего долгаго странствованія.

На другой день я имѣлъ аудіенцію у паши и Кіабе адріанопольскаго; расхвалилъ регулярное турецкое войско; наша былъ тронутъ и велѣлъ собрать полкъ, чтобы показать мнѣ. Этого только мнѣ и нужно было, чтобы убѣдиться въ отлично дурномъ положеніи адріанопольскаго отряда и осмотрѣть казармы и другія военныя учрежденія. Мы оба съ пашою остались другъ другомъ довольны и на слѣдующее утро, 14-го января, я отправился далѣе, проночевавъ въ этотъ день въ Воховѣ, а на другой день въ Ямболѣ.

16-го января я приближался къ Балканамъ прекрасною сливинскою долиною, которая составляла совершенную противоположность съ дикимъ видомъ горъ, довольно возвышенныхъ въ этомъ мѣстѣ. Между утесистыми обрывами мы ѣхали до заката солнца, остановясь въ горахъ, въ дер. Вечера, на ночлегъ. 17-го, проѣхавъ Козанъ, и проночевавъ въ г. Османбазарѣ, 18-го мы доѣхали утромъ до г. Джуман. Здѣсь я получилъ извѣстіе о слѣдованіи посланника Рибопьера съ нашею миссіею по Карнабатской дорогѣ. Чтобы сдѣлать обозрѣніе поперечному сообщенію у сѣвернаго ската Балкана, я поворотилъ изъ Джуман на Драгой-кіой, гдѣ и ночевалъ.

Посольство наше уже проѣхало черезъ это мѣсто и 19-го я

отправился вслѣдъ за онымъ по дорогѣ черезъ горы. Я ѣхалъ скоро и нетерпѣливо, желая нагнать миссію и довершить путь до Константинополя не съ тою одинокою скукою, которая сопутствовала мнѣ въ долгихъ моихъ странствованіяхъ по Турціи. Не доѣзжая Добралы, гдѣ я ночевалъ уже съ посольствомъ вмѣстѣ, перваго русскаго я встрѣтилъ товарища по мундиру прапорщика Веригина, снимавшаго очень прилежно маршрутъ слѣдованія миссіи. Я объявилъ ему, что этотъ путь уже снятъ мною и уговорилъ оставить работу и ѣхать вмѣстѣ далѣе. Мы скоро нагнали прочихъ товарищей и въ этотъ день въ первый разъ я могъ составить уже настоящее понятіе о полковникѣ [Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ] Бергѣ, которое впослѣдствіи такъ вѣрно оправдалось [1]).....

20-го января мы ночевали въ Беймагалеси, 21-го въ Факи, 22-го проѣхали Кизельджиклеси и ночевали въ Буюкъ-баялыкѣ. Здѣсь я оставилъ миссію, чтобы обозрѣть дорогу черезъ Странджу въ Адріанополь. Пробывъ здѣсь два дня, 26-го января я выѣхалъ изъ этого города. При самомъ выѣздѣ изъ онаго меня поразила ужасная картина измученныхъ людей, уже умершихъ и сидящихъ еще на колу по обѣ стороны дороги. Къ вечеру я пріѣхалъ въ Каувши, 27-го въ Люлебургасъ и 28-го въ Силиврію, гдѣ соединился снова съ посольствомъ. 29-го января мы пріѣхали на послѣдній ночлегъ въ Кучукъ-чекмеджи и на другое утро, въ прекрасный лѣтній день, среди покрытыхъ зеленью растеній, мы весело приближались къ Буюкдере. Не доѣзжая онаго, въ Бельградѣ, въ очаровательной рощѣ мы расположились на короткій отдыхъ, обѣдали на чистомъ воздухѣ,—и здѣсь встрѣтили насъ Рикманъ и Жерве, пріѣхавшіе изъ Буюкдере. Всѣмъ этимъ многочисленнымъ обществомъ мы весело довершили путешествіе и разошлись въ разные дома и кіоски прекраснаго помѣщенія нашего посольства.

Съ возвращенія моего до 30-го іюля постоянно я жилъ въ Буюкдере; эти пять мѣсяцевъ, часто повторявшаяся лихорадка прерывала мои занятія по составленію матеріаловъ военнаго обозрѣнія Турціи и разнообразныя поѣздки, которыя такъ увлекательны въ окрестностяхъ Константинополя. Примѣчательнѣйшимъ изъ со-

---

[1]) Здѣсь пропущено двадцать строкъ—въ высшей степени рѣзкаго отзыва о Бергѣ, въ послѣдствіи графѣ и фельдмаршалѣ. Ред.

бытій въ теченіи этого времени была аудіенція посланника со всѣми нами у султана, которая, по обычаямъ тогдашняго времени, дѣлалась съ церемоніею, представлявшею рядъ униженій передъ падишахомъ турецкимъ, и мы въ нашихъ мундирахъ иностранной коллегіи съ треугольными шляпами и сверху надѣтыми керене, должны были казаться весьма каррикатурными существами въ сравненіи съ богатыми костюмами турокъ, которые такъ щедро надѣляли насъ презрительнымъ взоромъ и улыбкою. Вообще же жизнь наша была въ кругу посланниковъ европейскихъ державъ, и время текло съ удовольствіемъ. Генералъ Гильемино съ милымъ семействомъ, Страутфортъ Каннингъ и жена его, урожденная Бларамбергъ и русская подданная, составляли общество, которое доставляло намъ ежедневное разсѣяніе. Изъ молодыхъ людей иностранныхъ миссій, всѣхъ ближе съ нами были французы, потомъ нѣсколько англичанъ и одинъ испанецъ Кордоба. Съ нѣмцами русскіе плохо сходились; и теперь, когда еще въ памяти у меня имена французовъ: Беніо, Роже, англичанина Букенина; я не упомню ни одного нѣмца. Такова натура русская. 30-го іюня я выѣхалъ изъ Буюкдере для обозрѣнія окрестностей и разставшись 1-го іюля въ Кучукъ-чекмедже съ Веригинымъ, отъѣзжавшимъ въ Россію, ночевалъ въ Деркосѣ, близъ котораго случилось со мною непріятное происшествіе. Отъ Деркоса идетъ цѣпь Странджи до самаго пролива, вдоль береговъ Чернаго моря и на нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Все это пространство мало заселено и мало проѣзжаемо. Подъ предлогомъ охоты мы были снабжены позволеніемъ отъ Порты (особеннымъ тескере) для свободнаго проѣзда въ окрестностяхъ Константинополя, и съ однимъ переводчикомъ, имѣя ружье за плечомъ, мы отправились на лихихъ арабскихъ коняхъ на рекогносцировку. Отъѣхавъ на нѣсколько часовъ разстоянія отъ Деркоса, по самимъ глухимъ мѣстамъ, заросшимъ кустарникомъ, мы замѣтили развалины небольшаго каменнаго домика и къ нижнимъ оконнымъ рѣшеткамъ привязанныхъ верховыхъ лошадей съ турецкими сѣдлами. Желая узнать названіе какой-то деревни, видѣнной мною вдали, мы поскакали къ домику,—и каково было наше удивленіе, когда заглянувъ въ окошко въ подвальный этажъ, мы увидѣли двухъ человѣкъ, раздѣвающихъ окровавленное тѣло. По нашему шуму, эти люди бросили свою добычу, чтобы выбѣжать къ намъ; но мнѣ пришло

на умъ прежде, чѣмъ ускакать за моимъ переводчикомъ, который гнался во всю прыть, не оглядываясь, отрѣзать поводья у привязанныхъ лошадей и отогнать ихъ. Выхвативъ кинжалъ и исполнивъ это съ такою быстротою, ударивъ нагайкою по испуганнымъ лошадямъ, что разбойники бросились сначала къ лошадямъ, увидѣвъ меня уже на довольно далекомъ отъ себя разстояніи, догоняющаго моего переводчика. Видя, что поймать лошадей своихъ пройдетъ много еще времени, одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ изъ ружья въ меня, но пробилъ только пулею раздувавшійся воротникъ моей шинели. Когда я догналъ переводчика, онъ былъ въ большомъ страхѣ на счетъ меня, полагая, что я остался въ рукахъ разбойниковъ. Мы скакали болѣе 6 верстъ во всю прыть, пока доѣхали до постовъ таможенной стражи, гдѣ отдохнувъ отъ всѣхъ ощущеній неожиданнаго происшествія, отправились на ночлегъ въ Буюкдере.

26-го сентября, въ понедѣльникъ, товарищи мои проводили меня на купеческій корабль „Графиня Воронцова“, капитанъ Селичъ. Онъ отплывалъ въ тотъ день въ Одессу, и я получивъ отправленіе мое, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поспѣшить увезти всѣ собранныя свѣдѣнія о Турціи, сношенія съ которою часъ отъ часу дѣлались двусмысленнѣе и ожидали какъ съ той, такъ и съ другой стороны неминуемаго разрыва. Выѣхали утромъ 26 сентября изъ Босфора; насъ сильно качало первый день и я первый разъ подвергся самой жестокой морской болѣзни. На другой день вѣтеръ былъ попутный, волненіе небольшое, и придя въ нормальное свое положеніе, первый предметъ, который явился глазамъ моимъ, былъ нѣкто Дайнези (?) тотъ самый, котораго по совѣту Берга, мы остерегались въ Константинополѣ, какъ шпіона турецкаго, и который послѣ сдѣлался адъютантомъ Берга, будучи возвышенъ имъ до степени генерала. Тотъ самый, который въ минуту моего свиданія на кораблѣ, въ бѣдномъ одѣяніи, безъ будущности, готовъ былъ, можетъ быть, сдѣлаться камердинеромъ у какого нибудь знатнаго барина, теперь съ чиномъ, съ богатствомъ, съ связями, самъ открываетъ свои гостинныя для Петербургскаго большаго свѣта. Это вполнѣ авантюристъ, счастливо попавшій подъ знамена Берга. Они поняли другъ друга, или, какъ гласитъ русская пословица: „рыбакъ рыбака видитъ издалека“. На обоихъ

отпечатокъ жидовскаго отродія; но мнѣ кажется Дайнези (?) лучше: по крайней мѣрѣ онъ умнѣе.

Пробывъ въ морѣ четыре дня, на пятый, т. е. 30-го числа, я вступилъ въ карантинъ, гдѣ высидѣвъ 15 скучныхъ дней, явился въ Одессѣ къ гр. Воронцову, который принялъ меня съ особеннымъ радушіемъ. Черезъ нѣсколько дней я прибылъ въ Петербургъ и представилъ Дибичу отчетъ о своемъ порученіи, за которое былъ награжденъ чиномъ капитана и орденомъ Владиміра 4-й степени.

V.

Турецкая война 1828 года.—Знакомство съ будущею женою.

Въ теченіи наступившей зимы, приготовленія къ войнѣ съ Турціею принимали оборотъ весьма важный, и мы не сомнѣвались, что съ весною откроется кампанія. Въ ожиданіи этого времени, въ декабрѣ 1827 года, я познакомился въ домѣ Веригиныхъ, изъ котораго суждено мнѣ было избрать будущую жену мою. Но въ то время я не остановился ни на какомъ положительномъ намѣреніи и оставилъ Петербургъ съ нѣкоторымъ сознаніемъ моего къ ней неравнодушія.

Выѣздъ изъ Петербурга и прибытіе подъ Браиловъ.

14-го апрѣля 1828 года былъ день моего выѣзда изъ Петербурга. Проѣхавъ Кишиневъ 28-го числа и 29-го въ воскресенье оставивъ коляску у начальника Леовской карантинной заставы, я сѣлъ на перекладную и доѣхалъ до Фальчи, перваго молдавскаго мѣстечка, гдѣ и ночевалъ. На другой день, продолжая путешествіе и проѣзжая многія селенія, тамошніе священники встрѣчали насъ съ крестомъ и святою водою и благословляли насъ на предстоящіе подвиги. Такъ сочувствіе единовѣрцовъ было велико. 2-го мая, ночью, я пріѣхалъ въ Хаджи-Капитанъ, лагерь главной квартиры 2-й арміи, близъ крѣпости Браилова, а на другой день явился къ князю Петру Дмитріевичу Горчакову, генералъ-квартирмейстеру арміи. Въ теченіи слѣдующихъ дней прибыла осадная артиллерія, потомъ Его Высочество великій князь Михаилъ Павловичъ и 10-го прибылъ Государь.

13-го числа открытъ былъ первый огонь съ нашихъ батарей;

въ 6 часовъ по полудни Государь лично обозрѣвалъ крѣпость, и когда остановился на казачьемъ курганѣ, то непріятельское ядро докатилось до близкаго разстоянія отъ его лошади. Въ тотъ же день Государь выѣхалъ къ Сатунову, гдѣ расположилась императорская главная квартира.

Первыя пули.

14-го мая окончена была 2-я паралель и по утру, когда я находился дежурнымъ при графѣ Дибичѣ, то онъ послалъ меня съ Урюшинскаго кургана осмотрѣть осадныя работы третьей паралели. Отдавая приказанія, онъ прибавилъ, чтобы я отстягнулъ эполеты и аксельбанты, чтобы не быть цѣлью непріятельскимъ выстрѣламъ и велѣлъ въ траншеяхъ сойти съ лошади. Но я предложилъ ему, что я объѣду всѣ работы верхомъ и такимъ образомъ онъ можетъ видѣть издали какъ идетъ чертежъ нашихъ линій. Онъ что-то возразилъ на это, но я, поспѣшая исполнить первое порученіе подъ огнемъ непріятеля, не снявъ ни эполетъ ни аксельбантовъ, поскакалъ къ крѣпости. Доѣхавъ до работъ, я взялъ карандашъ и бумагу и началъ рисовать линіи нашей паралели и шагомъ объѣхалъ оную. Между тѣмъ изъ крѣпостнаго вала посыпались турецкія пули на меня; но невредимымъ окончилъ порученіе и возвратился съ донесеніемъ къ гр. Дибичу. Выслушавъ меня и осмотрѣвъ поданный рисунокъ, онъ взялъ меня за руку, поблагодарилъ съ жаромъ и съ такою же пылкостью сдѣлалъ выговоръ, зачѣмъ я безъ всякой нужды вызывалъ на себя непріятельскія пули; „эта храбрость неумѣстная“, сказалъ онъ, „но впрочемъ вы исполнили ваше дѣло какъ славный офицеръ“.

Выѣздъ въ императорскую главную квартиру.

Осадныя работы еще продолжались, когда я получилъ приказаніе ѣхать въ императорскую главную квартиру, гдѣ и назначенъ былъ капитаномъ надъ вожатыми. 20-го мая, вечеромъ, съ товарищемъ моимъ барономъ Ливеномъ, мы выѣхали изъ Хаджи-Капитана, 21-го прибыли въ Галацъ и ночевали въ тотъ день въ Тулутештѣ, 22-го въ Вадумо-Исаки, 23-го въ Бѣлградѣ и 24-го въ Сатуновѣ. Черезъ три дня я участвовалъ въ дѣлѣ при переправѣ черезъ Дунай у Сатунова.

Дѣло при Сатуновѣ.

Ночью съ 26 на 27-е число мая отправился я на переправу и, найдя тамъ начальника штаба корпуса Рудзевича князя Горчакова, и зная его еще 10 лѣтъ тому назадъ въ главной квартирѣ 1-й арміи, выпросилъ позволеніе остаться при немъ, предполагая, что по обязанности моей капитана надъ вожатыми, я не буду нуженъ въ свитѣ Государя. Береговая батарея о 20-ти орудіяхъ была въ готовности, равно и флотилія на Дунаѣ, расположившаяся лѣвѣе баттареи. Съ разсвѣтомъ флотилія и баттарея открыли сильный огонь, между тѣмъ переправа производилась егерскою бригадою 7-й пѣхотной дивизіи въ небольшихъ лодкахъ запорожскихъ казаковъ, перешедшихъ на нашу сторону по старанію дяди моего Сергѣя Алексѣевича. Вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ я спрыгнулъ въ одну изъ этихъ лодокъ и, подъ сильными выстрѣлами непріятеля, мы благополучно пристали къ противоположному берегу съ частью егерей нашихъ и заняли болотистый лѣсъ, на правомъ флангѣ непріятельской позиціи находившійся. Между тѣмъ, мало по малу, лодки подходили къ правому берегу съ егерскими баталіонами и когда отрядъ нашъ нѣсколько усилился, то мы пошли съ егерями впередъ. Турецкая цѣпь отступила и съ подошедшими къ намъ двумя баталіонами изъ лѣса, мы двинулись рѣшительно на флангъ баттарей непріятельскихъ. Турки бѣжали и баттареи достались намъ съ ихъ 16-ю орудіями и снарядами. На одной изъ сихъ баттарей, непріятель успѣлъ сдѣлать взрывъ, отъ котораго погибли нѣсколько нашихъ егерей, но вообще переправа черезъ Дунай стоила намъ не болѣе ста человѣкъ убитыми и ранеными. Гать черезъ низменную долину Дуная заслуживала особаго вниманія по ея построенію. На другой день переправились уже двѣ дивизіи и 24 орудія 3-го корпуса.

Послѣ сраженія я возвратился въ главную квартиру и встрѣтился съ генералъ-квартирмейстеромъ гр. Сухтеленомъ, который изъявилъ неудовольствіе, что я не остался при немъ за три версты отъ мѣста сраженія, а самовольно прикомандировалъ себя къ 3-му корпусу. Слѣдствіемъ этого два изъ товарищей моихъ, не бывъ за Дунаемъ, получили золотыя шпаги за храбрость, а я не былъ представленъ ни къ какой наградѣ, хотя князь Горчаковъ и употреблялъ къ тому всѣ старанія.

Выступленіе за Дунай и походъ къ Шумлѣ.

31-го мая выступила главная квартира изъ Сатунова и расположилась при виьирскомъ курганѣ.

1-го іюня мы дошли до Фрикаге, а на другой день выступили къ Бабадаху. Я велъ Государя. Во время перехода Его Величество, выѣхавъ на высокую гору противъ деревни Хаджиларъ-кіой, любовался прекраснѣйшимъ видомъ мѣстоположенія, въ окрестностяхъ озера Разельскъ и Бабадаха. Онъ подозвалъ меня и разговаривалъ со мною о моемъ обозрѣніи въ Турціи, и вообще былъ ко мнѣ весьма милостивъ.

Не доходя Бабадаха, мы замѣтили небольшую толпу, которая ожидала Государя съ хлѣбомъ и солью. То были старшины некрасовцевъ, перешедшихъ подъ скипетръ Россіи. Государь разговаривалъ съ ними милостиво и когда при отъѣздѣ замѣтилъ, что они ожидаютъ чего-то и не расходятся, спросилъ причину и получилъ въ отвѣтъ, что они ждутъ благодѣтеля и покровителя своего генерала Сергѣя Алексѣевича Тучкова. Сергѣй Алексѣевичъ по нездоровью ѣхалъ въ коляскѣ позади императорской главной квартиры. Государь дождался его пріѣзда и былъ свидѣтелемъ какъ они съ радостью и уваженіемъ встрѣтили старика дядю, поднеся ему также хлѣбъ-соль. Сергѣй Алексѣевичъ ѣхалъ до Бабадаха, окруженный атаманомъ Гладкимъ и его свитою. Тутъ онъ остался управлять занятою Бабадахскою областью.

3-го іюня мы имѣли дневку въ лагерѣ при Бабадахѣ. Государь осматривалъ въ тотъ день этотъ городокъ. На другой день мы расположились на ночлегъ въ лагерѣ при рѣкѣ Бейдаутъ, у моста Потуръ. 5-го, при рѣкѣ Ташадлѣ; я былъ посланъ въ этотъ день открыть сообщеніе съ Кагарлыкомъ, и возвратился ночью. 6-го числа мы дошли до р. Карассу у с. Каратая, противъ Троянова вала. При Карассу мы оставались до 24-го числа, перешедъ 12-го ближе къ мѣстечку того же названія. 7-го числа кн. Илья Долгорукій, адъютантъ Его Высочества Михаила Павловича, привезъ извѣстіе о неудачномъ штурмѣ Браилова и о понесенной нами значительной потери; но не долго мы оставались подъ вліяніемъ этой несчастной вѣсти и на другой день адъютантъ Бибиковъ привезъ другое извѣстіе о покореніи крѣпостей Браилова и

Мачина. Въ тотъ же день было молебствіе по этому случаю. 12-го получено было донесеніе о взятіи крѣпостей Гирсовы и Кюстенджи, откуда привезены были знамена сихъ крѣпостей. За новый успѣхъ принесено было вновь благодареніе Богу и 14-го Государь отправился въ Кюстенджи, возвратясь въ тотъ же день обратно въ лагерь.

Пребываніе наше при Карассу заключилось извѣстіемъ о сдачѣ нашимъ войскамъ кр. Тульчи и о покореніи кр. Анапы. Эту послѣднюю вѣсть привезъ флигель-адъютантъ гр. Алексѣй Толстой 20-го числа, и того же числа Государь присутствовалъ при молебствіи.

Отъ Карассу мы выступили съ главной императорской квартирой 24-го іюня; 25-го іюня ночевали въ Мусабеи, 26-го въ лагерѣ при Базарджикѣ, гдѣ оставались до 3-го іюля. Непріятеля мы не ожидали встрѣтить ранѣе Шумлы и потому эти переходы казались прогулкою, пока погода была благопріятная и маркитанты безъ затрудненія подвозили разные припасы. 29-го числа, въ день имянинъ моихъ, я угостилъ у себя въ палаткѣ товарищей моихъ. Безпечно предаваясь туманнымъ надеждамъ на будущіе военные подвиги, молодое воображеніе наше заносилось далеко за предѣлы обыкновенной существенности, но намъ было весело. Собесѣдниками были: Шенигъ, Искрицкій, Веригинъ, Казадаевъ, Галямпнъ, Ив. Веймарнъ, Гоноропуло. Выступивъ 3-го іюля и проведя ночь у р. Ушенли, 4-го числа мы дошли до м. Козлуджи, 5-го до р. Туркарнаустгаръ-дере. Государь, проѣхавъ нѣсколько верстъ далѣе сего ночлега, взъѣхалъ на высокій курганъ, съ котораго можно было обозрѣть возвышенія около Шумлы, и подозвавъ меня, распрашивалъ объ окрестностяхъ этой крѣпости.

6-го числа іюля переходъ нашъ совершился до Яникіой, въ 4 верстахъ позади Янибазара, гдѣ былъ расположенъ 3-й корпусъ. Государь осмотрѣлъ при Янибазарѣ позицію и, объѣхавъ аванпосты, возвратился въ лагерь. 7-го числа гр. Дибичъ приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ на рекогносцировку по направленію къ Шумлѣ. Осмотрѣвъ всѣ направленія, къ оной ведущія, я былъ посланъ привести авангардъ нашъ и расположить оный 5 верстъ впереди Янибазара. Тутъ же находилась и императорская главная квартира. Государь, прибывъ въ лагерь, приказалъ мнѣ вести его на

встрѣчу Дибичу, который долженъ былъ возвращаться съ рекогносцировки. Его величество весьма благосклонно шутилъ и разговаривалъ со мною въ продолженіи всей этой поѣздки.

Дѣло при Шумлѣ.

8-го іюля, 3-й корпусъ, построясь въ боевой порядокъ, слѣдовалъ впередъ; за нѣсколько верстъ до Шумлы показался непріятель, вышедшій значительными силами изъ крѣпости. Государь находился лично при войскахъ и посылалъ приказанія Рудзевичу. Одно изъ таковыхъ приказаній поручено мнѣ было передать ему; возвращаясь обратно къ государю, я встрѣтилъ сѣрую лошадь, скакавшую безъ всадника и тѣмъ возвѣстила о смерти одного изъ товарищей. Проѣзжая мимо батареи нашей, я увидѣлъ, что между орудіями лежало тѣло убитаго ядромъ флигель-адъютанта Реада. Онъ былъ пораженъ въ то время, какъ устанавливалъ орудія этой батареи. Послѣ нѣкотораго сопротивленія турки удалились въ крѣпость и войска наши заняли позицію передъ крѣпостью. Государь съ главною своею квартирою расположился при Булаплыкѣ. 9-го числа іюля я сопровождалъ государя въ обозрѣніи его праваго фланга занятой позиціи, а 10-го — лѣваго фланга и редутовъ, войсками выстроенныхъ. Въ тотъ же день главная квартира передвинулась ближе къ Шумлѣ въ новый лагерь.

Рекогносцировка на лѣвомъ флангѣ.

Чрезъ нѣсколько дней пронеслись слухи, что турецкій отрядъ, вышедшій изъ Праводъ, взялъ направленіе на лѣвый флангъ нашей позиціи. Мнѣ поручено было съ отрядомъ, предназначеннымъ для рекогносцировки, удостовѣриться въ справедливости таковыхъ слуховъ. Отрядъ состоялъ изъ одного баталіона пѣхоты, двухъ казачьихъ орудій и эскадрона лейбъ-казаковъ. 14-го іюля мы выступили изъ лагеря во 2-мъ часу по полудни, дошли до дер. Мадерни и, оставивъ отрядъ на позиціи, я съ полуэскадрономъ казаковъ произвелъ рекогносцировку по направленію къ Маковщинѣ. Въ одномъ изъ селеній я захватилъ двухъ жителей и по разспросамъ на дальнее оттуда разстояніе, непріятеля нигдѣ

не показывалось. Жителей этихъ я привелъ съ собою и по недостатку въ проводникахъ, оставилъ ихъ при главной квартирѣ. Возвращаясь на другой день въ лагерь, я нашелъ его на новомъ мѣстѣ, на томъ самомъ, гдѣ былъ лагерь гр. Каменскаго въ 1809-мъ году. 16-го числа на правомъ флангѣ нашей позиціи была занята новая высота послѣ дѣла, продолжавшагося непродолжительное время.

Дѣла 17-го, 18-го и 19-го іюля.

Получивъ назначеніе состоять въ должности оберъ-квартирмейстера отряда генералъ-лейтенанта Ридигера, имѣвшаго порученіе дѣйствовать на сообщенія въ тылу Шумлы, 17-го числа мы выступили, во 2-мъ часу по полудни, съ тремя съ половиною баталіонами, восемью орудіями и бригадою гусаръ по направленію къ Чифлику. Непріятель въ числѣ 1000 человѣкъ занималъ позицію при этой деревнѣ и готовился защищаться; но егерскій полкъ, находившійся въ головѣ, открылъ огонь застрѣльщиками, а остальные баталіоны штыками заставили уступить выгодную позицію на высотахъ передъ деревнею, на которой мы и расположились бивуакомъ. Перестрѣлка стрѣлковъ продолжалась до поздняго вечера.

18-го числа я получилъ повелѣніе съ двумя ротами егерей и тридцатью казаками сдѣлать усиленную рекогносцировку къ Емистамбулу. Выступивъ съ разсвѣтомъ и переправясь черезъ рѣку Буюкъ-камчикъ, направленіе мое было въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сей рѣчки и вдоль оной, къ дер. Велибейкіой. Начальствуя самъ этимъ небольшимъ отрядомъ и подходя къ вышеозначенной деревнѣ, я замѣтилъ на правомъ флангѣ моемъ непріятельскую кавалерію изъ 800 человѣкъ, слѣдовавшую вдоль лѣваго берега рѣчки Буюкъ-камчика. Пройдя деревню, мнѣ надлежало спуститься въ долину рѣчки, чтобы слѣдовать къ Емистамбулу; но увидя непріятеля, я остановился на высотѣ и построился на оной, ожидая нападенія. Въ это время посланный отъ г. Ридигера, который съ высоты наблюдалъ за движеніемъ турецкаго отряда противъ меня, привезъ приказаніе немедленно присоединиться къ нему и извѣстіе, что непріятель въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ,

построясь въ три линіи противъ позиціи генер. Ридигера, намѣренъ атаковать его. Я началъ отступленіе и полагалъ, въ случаѣ атаки турокъ, держаться къ дер. Велибей-кіой; но непріятель, не преслѣдуя меня, тою же дорогою возвратился къ своему отряду. Тогда поспѣшивъ къ мѣсту сраженія нашего главнаго отряда, мнѣ надлежало проходить мимо праваго фланга линій непріятеля, которыя были отдѣлены отъ меня рѣкою Буюкъ-камчикомъ и густыми кустами по долинѣ оной. Поровнявшись съ высотою непріятельскихъ линій, и желая воспользоваться случаемъ нахожденія моего на флангѣ турецкой позиціи,—я съ небольшимъ отрядомъ своимъ поворотилъ къ рѣчкѣ. Въ кустахъ, скрывавшихъ мое движеніе, я переправился черезъ оную, и построивъ казаковъ влѣво, а пѣхоту въ двѣ ротныя колонны, бросился на непріятеля изъ лѣса. Неожиданность моего появленія во время дѣйствія артиллеріи генерала Ридигера съ фронта, совершенно разстроила турокъ и они бѣжали съ позиціи. Я съ казаками погнался за двумя орудіями, которыя турки спѣшили увезти; но большое разстояніе, насъ раздѣлявшее, не допустило совершить мое намѣреніе. Очистивъ такимъ образомъ пространство впереди г.-л. Ридигера, я соединился съ нимъ и генералъ Ридигеръ, храбрый въ душѣ, разцѣловалъ меня, и съ этого дня имѣлъ ко мнѣ совершенную довѣренность. Вечеромъ генералъ Ивановъ присоединился къ намъ съ одною бригадою.

19-го іюля 1828 г.

На слѣдующій день генералъ Тарбѣевъ смѣнилъ насъ у Чифлика, а мы направились на Емистамбулъ. Кавалерія слѣдовала по дорогѣ на Велибей-Кіой; пѣхота же, отрядивъ авангардъ, потянулась по лѣвому берегу р. Урано. Подходя къ мосту черезъ эту рѣчку, мы нашли его разобраннымъ и дорогу заложенную каменьями. Остановясь при этомъ препятствіи, турки, засѣвъ въ оврагъ вдоль направленія нашей колонны, внезапно открыли огонь на нашъ флангъ. Тогда генералъ Ридигеръ, отрядивъ одинъ баталіонъ въ стрѣлки, приказалъ ему вытѣснить непріятеля и прикрывать флангъ нашъ до тѣхъ поръ, пока исправленъ будетъ мостъ. Генер. Ридигеръ приказалъ мнѣ устроить скорѣе переправу

и я поспѣшилъ въ авангардъ нашъ. Не смотря на огонь непріятеля, мостъ въ скоромъ времени былъ готовъ и непріятель, защищавшій переправу изъ завала, набросаннаго изъ каменьевъ, принужденъ былъ оставить его едва мы перебѣжали съ егерями черезъ мостъ. Вся пѣхота перешла черезъ Урано съ маловажною потерею. Потомъ до Емистамбула мы не встрѣтили никакого сопротивленія. Подходя съ пѣхотою къ Емистамбулу, мы увидѣли нашу кавалерію въ самомъ мѣстечкѣ. Она успѣла захватить нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ и отбить обозъ съ фуражемъ, слѣдовавшій къ Шумлѣ. Отъ плѣнныхъ узнали мы, что непріятель укрѣпился въ Балканахъ, занявъ ущелье при Драгой-кіой двумя стами человѣкъ и при Чалыковокѣ 6-ю орудіями и 3000 войска, заградивъ такимъ образомъ проходъ въ большіе Балканы.

Сего-же числа генералъ Тарбѣевъ, близь оставленной нами позиціи, имѣлъ жаркое дѣло съ превосходными силами непріятеля; былъ отбитъ и прогнанъ. Не генералу Тарбѣеву отрядъ его обязанъ спасенію, а находившемуся при этомъ отрядѣ офицеру генеральнаго штаба Веймарну, который былъ поставленъ въ исключительное положеніе: отдаливъ пьянаго генерала, распоряжался лично, не допустивъ отступить отряду по приказанію Тарбѣева, построилъ оный въ каре и на мѣстѣ отбилъ всѣ атаки непріятеля. Въ семъ дѣлѣ много содѣйствовалъ Веймарну командиръ Александрійскаго гусарскаго полка полковникъ Александръ Захарьевичъ Муравьевъ. Тарбѣевъ вслѣдъ за симъ былъ удаленъ изъ арміи. Вѣсть объ отрядѣ Тарбѣева заставила насъ оставить намѣреніе сдѣлать усиленную рекогносцировку на Костежъ и на разсвѣтѣ 20-го числа мы возвратились на подкрѣпленіе Тарбѣеву. Дойдя до деревни Велибей-кіой и узнавъ, что непріятель ничего болѣе не предпринималъ, мы расположились между Велибей-кіой и переправой черезъ Буюкъ-камчикъ. На этой позиціи намъ велѣно было укрѣпиться, и оставивъ тамъ бригаду егерей, возвратиться въ общій лагерь. Ночью на 21-е число два редута были окочены и заняты. Постъ сей имѣлъ назначеніе дѣйствовать на сообщеніе отъ Шумлы на Драгой-кіой и Емистамбулъ. 21-го генералъ Ридигеръ съ остальными войсками возвратился въ лагерь подъ начальство принца Евгенія Виртембергскаго, заступившаго мѣсто генерала Войнова въ командованіи 7-мъ корпусомъ. Я возвратился въ главную квартиру императора. За

эту экспедицію я былъ представленъ къ банту на имѣвшійся крестъ св. Владиміра. Офицеры, при мнѣ находившіеся, были: гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Искрицкій, генеральнаго штаба подпоручики Дитмаръ и Сазановичъ и польскаго гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Шимановскій.

Дѣйствія отряда г.-л. Ридигера къ Емистамбулу и далѣе.

Прошло десять дней въ бездѣйствіи моемъ при главной квартирѣ, всегда скучномъ въ военное время, и 30-го вечеромъ я съ радостью поспѣшилъ явиться г.-л. Ридигеру для отправленія должности оберъ-квартирмейстера отряда, предназначеннаго для дѣйствія на сообщеніе кр. Шумлы.

Въ ночь съ 30-го на 31-е іюля, отрядъ выступилъ изъ лагеря подъ Шумлою въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ изъ дивизіона гусарскаго принца Оранскаго полка, одного батальона 38-го егерскаго и войскъ, занимавшихъ редутъ у дер. Велибей-кіой, подъ командою флигель-адъютанта полковника Плаутина, выступивъ ночью, прибылъ въ Емистамбулъ къ разсвѣту 31-го числа. Главный же отрядъ, имѣя въ головѣ дивизіонъ принца оранскаго гусарскаго полка и ахтырскій гусарскій полкъ съ конною ротою № 6, былъ составленъ изъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, украинскаго полка батарейной № 1 роты, 6-ти орудій легкой № 3 роты и роты 7-го піонернаго батальона, которые слѣдовали въ одной походной колоннѣ. Съ разсвѣтомъ 31-го числа, прибывъ къ редуту противъ Чифлика и смѣнивъ въ оном 3-ю бригаду 19-й пѣхотной дивизіи украинскимъ полкомъ, оставшимся въ командѣ г.-м. Дурново, и давъ войскамъ отдыхъ около двухъ часовъ, г.-л. Ридигеръ продолжалъ слѣдованіе къ Емистамбулу. При этомъ селеніи весь отрядъ расположился между Емистамбуломъ и Осмаромъ. Три дивизіи гусаръ, съ конною ротою № 6, построились въ боевомъ порядкѣ на возвышенности лѣваго берега Камчика противъ дороги, ведущей въ Чифликъ. Передъ сею позиціею батальонъ днѣпровскаго полка расположился для занятія лѣса и наблюденія дороги. Дивизіонъ гусаръ, на возвышеніи противъ деревни Осмаръ, наблюдалъ равнину по направленію деревни Костежъ. Пѣхота заняла двумя батальонами 37-го егерскаго полка и однимъ 38-го—скатъ возвышенія, обращеннаго къ Емистамбулу,

имѣя въ интервалахъ между батальонами по 6-ти орудій батарейной № 1 роты; два батальона азовскаго полка, съ 4-мя орудіями легкой № 3 роты, заняли противуположный скатъ передъ дер. Осмаръ, а на самой высотѣ расположился батальонъ днѣпровскаго полка съ двумя легкими орудіями. Одинъ батальонъ 38-го егерскаго полка занялъ кладбище въ самомъ селеніи. По обозрѣніи мѣста, удобнаго для заложенія редута противъ сообщенія, ведущаго отъ ущелья р. Камчика на Костежъ, того же числа приступлено было къ построенію онаго. На другой день онъ былъ оконченъ и занятъ тремя орудіями батарейной № 1 роты и батальономъ азовскаго полка. Тутъ же приступлено было къ заложенію другаго редута на два орудія и одну роту на высотѣ позади перваго. Цѣль сего послѣдняго укрѣпленія состояла въ томъ, что бы прикрыть лѣвый флангъ вновь избранной позиціи, болѣе обезпечить первый редутъ, обстрѣливая пространство, вправо къ подошвѣ горъ простирающееся и что бы пресѣчь дорогу изъ Джумаи и Костежа, правѣе Емистамбула, ведущую къ ущелью Камчика.

2-го августа второй редутъ былъ оконченъ и два орудія ввезены въ оный. Между тѣмъ пѣхота нашего отряда заняла новую позицію, примкнувъ лѣвый флангъ свой къ этому редуту. 2-й батальонъ 38-го егерскаго полка занялъ оба редута, остальные полки 1-й и 3-й бригады расположились слѣдующимъ образомъ: два батальона 37-го егерскаго полка въ первой линіи въ батальонныхъ каре, имѣя между собой три батарейныя орудія; 1-й баталіонъ 38-го егерскаго полка и 2-й днѣпровскаго на лѣвомъ флангѣ по батальонно уступами, между 1-мъ и 2-мъ уступами стало 4 батарейныя орудія. На правомъ флангѣ два батальона азовскаго полка построились такимъ же порядкомъ. Между 1-мъ батальономъ 37-го егерскаго и 2-мъ азовскаго поставлены были 4 мелкихъ орудія и два въ резервѣ съ батальонами въ 3-й линіи. Кавалерія осталась на прежней позиціи. Передъ нею 1-й батальонъ днѣпровскаго полка съ двумя ротами занялъ лѣсъ, а остальныя двѣ роты прикрывали вагенбургъ, расположенный позади праваго фланга кавалеріи. Деревня Емистамбулъ въ тотъ же вечеръ была совершенно истреблена огнемъ.

Получивъ извѣстіе, что огни непріятельскіе весьма умножились на высотахъ при деревни Костежи, и дабы проникнуть въ тылу

крѣпости Шумлы по возможности далѣе, г.-л. Ридигеръ вознамѣрился предпринять усиленную рекогносцировку къ Костежскому ущелью. Нападеніе наше назначено было 3-го числа и наканунѣ сдѣлано распоряженіе, чтобы три дивизіона гусаръ, съ 8-ю конными орудіями, и одинъ баталіонъ днѣпровскаго полка, съ однимъ батарейнымъ орудіемъ, оставались на занимаемыхъ мѣстахъ подъ начальствомъ г.-м. Рикорда, которому были подчинены и два построенные редута. Въ тотъ же вечеръ, 2-го августа, г.-л. Ридигеръ поручилъ мнѣ обозрѣть пути къ Костежу.

Рекогносцировка 2-го августа 1828 г.

Обозрѣніе я совершилъ весьма удачно и, не взирая на опасность среди непріятельской цѣпи, я съ однимъ казакомъ проползъ между турецкими ведетами въ кустахъ и дошелъ до возвышеній, откуда видѣлъ весь освѣщенный огнями лагерь непріятеля въ ущельи. Такимъ образомъ я запомнилъ путь, по которому мнѣ предстояло вести колонну на фланги батареи, загражданшей ущелье и въ тылъ оной. Возвращенье мое также совершилось благополучно; не всякій можетъ вообразить мое нетерпѣніе и радость, когда пройдя цѣпь непріятельскую, я добрался до моей лошади, оставленной съ другимъ казакомъ и скрытой за густыми деревьями въ $^1/_2$ верстѣ отъ непріятельскихъ ведетовъ.

Не долго пришлось отдохнуть отъ моей моральной и физической усталости; но удачно исполненное порученіе мое ободряло меня и придавало силы ко 2-му дѣйствію предстоящей драмы.

Сраженіе 3-го августа при деревнѣ Костежъ.

3-го августа, въ часъ ночи, мы выступили. Необыкновенная тишина и порядокъ слѣдованія совершенно скрыли отъ непріятеля наше движеніе. Турки только тогда замѣтили наше наступленіе, когда, пройдя рѣчку Урано, мы построились уже въ боевой порядокъ. Непріятель, числомъ отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ, бросился защищать крутыя высоты, по обѣ стороны ущелья лежащія, и открылъ огонь изъ орудій на наступающія войска наши съ фронта. Но онѣ шли медленно, давая время фланговымъ двумъ колоннамъ,

отряженнымъ къ высотамъ по обѣ стороны ущелья, дойти до назначенія. Я велъ первую колонну по осмотрѣнной мною мѣстности наканунѣ, впереди 1-го батальона 38-го егерскаго полка. Едва дошли мы до высотъ, турки, засѣвшіе въ терновники, открыли сильный огонь, но застрѣльщики наши, бросившись къ подошвѣ возвышеній, тотчасъ оттѣснили ихъ и мы быстро овладѣли высотою. Тогда оставалось только спуститься въ ущелье. Между тѣмъ съ лѣвой стороны батальонъ 37-го егерскаго полка успѣлъ занять возвышенія и мы въ одно время съ онымъ овладѣли батареею, и за оною всѣмъ лагеремъ. Со стороны фронта Ридигеръ сильно содѣйствовалъ фланговымъ атакамъ дѣйствіемъ артилеріи. Наконецъ и другой батальонъ 37-го егерскаго полка, поддерживавшій нашу атаку, также подоспѣлъ съ фронта и все ущелье было очищено отъ непріятеля. Деревня же Костежъ была сожжена. Въ нашихъ рукахъ остались: бунчукъ, два знамя, 180 плѣнныхъ, весь лагерь съ палаткою паши и одно орудіе съ зарядным ящикомъ; остальныя были увезены при занятіи нами смежныхъ высотъ. Непріятель потерялъ убитыми до 300 человѣкъ.

Послѣ занятія сего ущелья, я былъ посланъ съ двумя егерскими батальонами сдѣлать рекогносцировку вдоль ущелья къ визирскому кургану. Егеря наши шли по обѣ стороны ската и очищали отъ засѣвшихъ въ кустахъ турецкихъ стрѣлковъ, которые открыли сильный огонь съ обоихъ фланговъ. Такимъ образомъ, обозрѣвъ всю мѣстность до визирскаго кургана, мы возвратились къ дер. Костежъ. Тутъ, по приказанію генерала Ридигера, сѣвъ возлѣ него, мы начали писать донесеніе объ этомъ дѣлѣ, отправивъ трофеи наши съ батальономъ днѣпровскаго полка при двухъ орудіяхъ. Между тѣмъ непріятель часъ отъ часу усиливался и выстрѣлъ изъ орудія отъ вершины оврага извѣстилъ о томъ пушечнымъ ядромъ, которое, ударившись о скатъ, подъ которымъ мы писали донесеніе, осыпалъ насъ землею. Тогда Ридигеръ приказалъ начать отступленіе. Построившись въ каре, четыре батальона съ орудіями, отстрѣливаясь отъ 10-ти тысячъ непріятельскихъ войскъ, насъ окружавшихъ, слѣдовали къ р. Урано, гдѣ оставленъ былъ одинъ батальонъ азовскаго полка для прикрытія отступленія. Егеря наши храбро пробивались впередъ и съ содѣйствіемъ артиллеріи очищали путь нашего отступленія. Наконецъ, дойдя до дефилеи между кустарникомъ, батальонъ егерей остано-

новился у опушки и удерживалъ оную до тѣхъ поръ, пока войска вошли въ лѣсъ. Послѣ сего и этотъ батальонъ началъ отступленіе. Но тутъ турки бросились съ отчаяніемъ на него и были снова отбиты. Одно орудіе, находившееся при этомъ батальонѣ, имѣя лошадей перебитыми, везлось людьми. При переѣздѣ черезъ рытвину, оно было опрокинуто и оставлено, послѣ тщетнаго усилія егерей увезти оное. Командиръ артиллерійской роты (легкой № 3 подп. Макалинскій), видя невозможность спасти орудіе своё, бросился къ оному и подъ градомъ пуль и со всѣхъ сторонъ окруженный турецкими всадниками, успѣлъ съ горстью егерей заклепать одудіе.

Непріятель не переставалъ преслѣдовать насъ до нашего выхода изъ лѣса, и отступилъ когда войска построились въ боевой порядокъ на высотѣ передъ лѣсомъ и г.-м. Рикордъ двинулся съ кавалеріею на подкрѣпленіе. Потеря наша въ этомъ жаркомъ дѣлѣ не могла быть не чувствительна:—выбыло изъ фронта 462 человѣка, въ числѣ которыхъ генералъ-лейтенантъ Ивановъ былъ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ. Непріятель потерялъ болѣе 1000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ 600 человѣкъ погибло въ дер. Костежѣ, при истребленіи и сожженіи оной.

Въ началѣ этого дѣла, при овладѣніи лагеремъ, я съ товарищемъ моимъ Казадаевымъ, войдя въ палатку паши, нашли въ чашкѣ недопитый кофе. Казадаевъ допилъ его и отдалъ мнѣ чашку, которую я сберегъ на память этого боеваго дня и дружбы Казадаева.

Послѣ сраженія 3-го августа мы заняли прежнюю позицію при Емистамбулѣ, куда присоединился къ намъ посланный на подкрѣпленіе 36-й егерскій полкъ, съ 4-мя легкими орудіями.

Возвращеніе въ главную квартиру.

8-го августа я возвратился въ главную квартиру и занемогъ общею тогда болѣзнію—кровавымъ поносомъ. Это меня изнурило до чрезвычайной степени, я лежалъ съ недѣлю въ палаткѣ своей, и едва шевелился отъ слабости. Въ это время Ридигеръ навѣщалъ меня и объявилъ о наградѣ за Костежъ Анною 2-й степени.

14-го числа турки насъ встревожили нападеніемъ ночью на флан-

ги нашей позиціи. Они успѣли захватить редутъ и 6 на немъ орудій, и на лѣвомъ флангѣ увезти одно орудіе.

28-го августа турки снова хотѣли испытать счастья, напавъ внезапно на лагерь нашъ, но были отброшены съ значительнымъ урономъ.

Переходъ къ Варнѣ.

21-го сентября мы, наконецъ, съ остальными чинами императорской главной квартиры оставили Шумлинскій лагерь. Государь давно уже былъ въ Одессѣ, и потомъ подъ Варною. Съ 3-ю бригадою 19-й дивизіи мы выступили около 7 часовъ по полудни къ утру прибыли въ Янибазаръ. Болѣзнь моя безпрестанно возобновлялась и я былъ не въ состояніи сидѣть на лошади; гр. Сухтеленъ предложилъ мнѣ мѣсто у себя въ коляскѣ, съ которымъ я и ѣхалъ до Варны.

22-го числа мы ночевали при рѣкѣ Туркарнаутлардере. 23-го, проѣхавъ въ 1-мъ часу по полудни Козлуджи, имѣли ночлегъ въ Ефимовскомъ редутѣ, за 22 версты отъ Варны, и 24-го въ 6-мъ часу вечера вступили въ лагерь императорской главной квартиры подъ Варною.

На 26-е число, въ ночи, было сдѣлано нашими нападеніе на бастіонъ крѣпости,—которое не имѣло цѣлью удержаться въ ономъ, а потому осталось безъ послѣдствій. Въ этомъ дѣлѣ храбрый мой товарищъ Казадаевъ, находясь въ охотникахъ, былъ раненъ пулею въ плечо.

28-го числа сдался Юсуфъ-Паша съ сыномъ и нѣкоторою частью гарнизона Варны, послѣ трехдневныхъ переговоровъ. Въ то же время открыта была сильная канонада противъ крѣпости, и на другой день, 29-го сентября, крѣпость сдалась.

1-го октября, ѣздивъ въ лагерь гр. Воронцова, мнѣ представилось тамъ совершенно новое зрѣлище. Картина этого лагеря была оживлена присутствіемъ турецкаго гарнизона, сдавшагося военноплѣннымъ и окруженнаго цѣпью нашихъ ведетовъ. Государь былъ также въ это время въ лагерѣ, говорилъ съ Юсуфъ-пашею, смотрѣлъ плѣнныхъ, и когда въ числѣ ихъ одинъ подбѣжалъ ко мнѣ съ изъявленіями радости на своемъ языкѣ, государь спросилъ, что это значитъ? Объяснивъ государю встрѣчу мою съ Эминомъ, однимъ изъ татаръ, сопутствовавшихъ меня

въ одной изъ поѣздокъ по Турціи, государь приказалъ дать ему денегъ и особенно содержать его. Я узналъ впослѣдствіи, что онъ все время плѣна своего жилъ въ Одессѣ, въ домѣ графа Воронцова и былъ доволенъ своею участью. 2-го октября государь отъѣхалъ въ Одессу.

Возвращеніе въ Россію.

Такъ кончилась наша кампанія 1828 года. Гр. Сухтеленъ, видя меня безпрестанно въ болѣзненномъ состояніи, приказалъ отправиться въ Одессу и лечиться. 5-го числа я выѣхалъ и ночевалъ въ Тенскіой, 6-го въ Коварнѣ, 7-го въ Мангаліи, 8-го въ Кистенжи и 9-го пріѣхалъ въ Бабадагъ. Здѣсь я пробылъ до 12 октября и остановился у дяди Сергѣя Алексѣевича, который управлялъ тогда Бабадагскою областью. Въ Бабадагѣ я снова занемогъ лихорадкою и въ интервалахъ между пароксизмами бесѣдовалъ съ дядею. Онъ также страдалъ тою же болѣзнію и очень былъ слабъ. У него я встрѣтилъ въ первый разъ нашихъ русскихъ дамъ: Кладищеву и Глазенапъ, которыя ему надоѣли до чрезвычайности; онъ употреблялъ разные предлоги, чтобы отъ нихъ отдѣлаться и послѣднее средство было пресмѣшное.

12-го числа, распростясь съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ, пустился далѣе и на другой день ввечеру пріѣхалъ въ городъ Тучковъ. Въ домѣ Сергѣя Алексѣевича меня встрѣтили какъ роднаго и я расположился въ немъ преспокойно. Это былъ первый пріятный уголъ послѣ всѣхъ походныхъ бивуакъ—и я расположился тутъ ожидать моей коляски, за которою послалъ въ Леово, гдѣ въ началѣ похода я ее оставилъ. Повозку, верховыхъ лошадей и всѣ походныя принадлежности продалъ за безцѣнокъ, и этими деньгами наградилъ двухъ казаковъ, сопровождавшихъ меня отъ Варны. 25-го октября опять явилась неотступная лихорадка и опять пріемы хининной соли. 28-го привезли мою коляску и 31-го оставилъ моего однофамильца; я съ нетерпѣніемъ ожидалъ уѣхать до Одессы, чувствуя, что буду имѣть необходимость въ хорошемъ медикѣ. И дѣйствительно, прибывъ въ Одессу 2-го ноября, 13-го снова возвратилась ко мнѣ лихорадка въ сильныхъ припадкахъ, отъ которой отдѣлался лишь черезъ мѣсяцъ, благодаря заботамъ доктора Спаскаго, и милаго товарища моего гр. Александра Пет-

ровича Толстаго, который хлопоталъ обо мнѣ какъ о родномъ. Въ Одессѣ лечился отъ раны Казадаевъ. Онъ начиналъ также выздоравливать и мы вмѣстѣ, наконецъ, выѣхали изъ Одессы 19-го декабря.

Возвращеніе въ семейство.

По нашей слабости мы ѣхали тихо, ночевали каждый день и въ Харьковѣ съ Казадаевымъ разстались, онъ отправился къ сестрѣ своей въ деревню, а я на Тамбовъ и Чембаръ. Изъ Чембара я заѣхалъ къ старому пріятелю Горсткину въ Голодлевку, куда прибылъ въ 10-мъ часу вечера 3-го января. Сердце трепетало скорѣе увидѣть семейство, зная какую радость везу родителямъ, представясь передъ ними невредимымъ послѣ войны въ полковничьихъ эполетахъ въ 25 лѣтъ отъ роду, съ крестомъ на шеѣ, заслуженнымъ въ сраженіи. Горсткинъ проводилъ меня до Яхонтова. Въ крещеніе, въ воскресенье, въ 4 часа послѣ обѣда мы проѣхали всѣ снѣжные сугробы, окружавшіе село, завернули на дворъ небольшаго домика и были у подъѣзда дома родительскаго.—Сердце хотѣло выскочить..... Но я предупредилъ его, бросившись въ объятія стариковъ моихъ. Эти минуты не описываются—ихъ только можно чувствовать.

VI.

1829 и 1830 годы.

Возвращеніе въ Петербургъ и назначеніе.

Назначеніе мое исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера оставшихся въ С. Петербургѣ войскъ было поводомъ къ возвращенію въ столицу весною 1829-го года.

Въ теченіи лѣта посѣщенія мои дачи Подспорья на берегу Невы рѣшили участь моей жизни.

Женитьба.

Исторія женитьбы моей заключается въ двухъ словахъ: влюбился и женился. Но влеченіе сердца было не къ одной наружности. Достоинства, которыми такъ щедро одарило Провидѣніе

жену мою, и которыя развились съ такою полнотою при обязанностяхъ жены и матери, давали уже ей особенное выраженіе, особенный характеръ, невольно привлекавшій къ себѣ каждаго. Меня судьба влекла, не останавливаясь ни на какихъ другихъ разсчетахъ, кромѣ предчувствія счастья, и это чувство, послѣдствіе пылкой любви моей, привело къ скорой развязкѣ. 16-го октября мы объяснились; 5-го февраля 1830 г. былъ день нашей свадьбы.— Мнѣ было 27-й годъ.

Средства наши были не велики, но въ упоеніи счастья мы смѣялись надъ затрудненіями, встрѣчавшимися въ нашемъ домашнемъ быту, отъ чистаго сердца.

Новое назначеніе.

Между тѣмъ я былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса и инспекторомъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Для увеличенія нашихъ средствъ, я принялъ на себя въ той же школѣ преподаваніе высшей тактики.

Незамѣтно прошелъ годъ. Вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ и назначенъ походъ гвардейскому корпусу. Я оставлялъ жену беременною первымъ сыномъ. Разставаніе и разлука были изъ тѣхъ тягостныхъ минутъ жизни, которыя оставляютъ по себѣ надолго грустное впечатлѣніе.

Отъѣздъ изъ Петербурга.

8-го февраля 1831 года, въ часъ ночи, я выѣхалъ изъ Петербурга.

VII.

Война съ польскими мятежниками 1831 года.

Пріѣздъ въ Бѣлостокъ. Представленіе цесаревичу в. к. Константину Павловичу.

Выѣхавъ 8-го февраля изъ Петербурга, 11-го числа я соединился съ корпусною квартирою, находившеюся уже въ Ригѣ. Пробывъ тутъ четыре дня, отправился далѣе къ Бѣлостоку для распоряженій по слѣдованію гвардіи. 25-го я пріѣхалъ въ Бѣлостокъ и 27-го отправился представляться цесаревичу великому князю Константину Павловичу. Со мной было нѣсколько офицеровъ

гвардейскаго генеральнаго штаба и когда доложили Его Высочеству о желаніи моемъ представиться къ нему съ офицерами, то онъ, приказавъ благодарить, просилъ отпустить офицеровъ, а самому явиться къ его высочеству въ кабинетъ. Не долго ждалъ я появленія великаго князя, котораго до того времени мнѣ не случилось видѣть близко. Въ сюртукѣ съ желтою петлицею на воротникѣ, въ щегольскихъ серебряныхъ эполетахъ и аксельбантѣ, вышелъ его высочество изъ сосѣдней комнаты. Поклонясь очень учтиво, спросилъ о моей фамиліи, и когда я назвалъ ее, то онъ продолжалъ: „не родня ли вамъ Николай Алексѣевичъ Тучковъ?“ Я отвѣчалъ: „родной мнѣ дядя.“—„Я имѣлъ честь служить подъ его начальствомъ. Тучковы славно служили.“—Потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: „Куда же вы идете съ корпусомъ?“—„На присоединеніе къ войскамъ арміи гр. Дибича,“ отвѣчалъ я.—„Что же, вы думаете бить поляковъ?“—„Не знаю, ваше высочество, но еслибы случилось съ ними встрѣтиться, не думаю, чтобы гвардія имъ уступила.“—„Очень ошибаетесь,“ возразилъ онъ, „я вамъ скажу: что они вамъ гузно намылятъ“. Потомъ также учтиво откланявшись со мною, оставилъ меня—и оставилъ въ недоумѣніи отъ странности словъ русскаго великаго князя.

Переѣздъ черезъ границу.

Въ Бѣлостокѣ я оставался до 15-го марта; наканунѣ этого дня я представился его высочеству Михаилу Павловичу и получа лично нѣкоторыя отъ него приказанія, отправился въ Тикочинъ.—17-го выѣхалъ оттуда и въ тотъ же день пріѣхалъ въ Ломзу

Ломза.

Въ окрестностяхъ этого города корпусъ нашъ расположенъ былъ довольно долго. Впереди, у Остроленки, находился отрядъ генералъ-маіора Сакена. Правый флангъ примыкалъ къ р. Нареву.

Походъ графа Дибича къ верховьямъ Вислы, пораженіе Розена, все это заставляло наблюдать пространство между Бугомъ и Наревомъ, и потому въ теченіи апрѣля мѣсяца мы дѣлали частыя движенія по направленію Снядова и Андржево и 23-го апрѣля возвратились въ Ломзу. 25-го я получилъ извѣстіе о рожденіи

сына Алексѣя; но безпокойство мое о здоровьи жены далеко оставляло позади себя радость рожденія перваго ребенка, котораго питала мать, во время нашей разлуки, слезами глубокой горести.— Грустныя думы мои были прерваны извѣстіемъ о движеніи непріятеля на гвардейскій корпусъ; оно разсѣяло ихъ и привлекло меня къ моей обязанности.

5-го мая мы пришли въ Снядовъ, авангардъ занялъ Якацу. Сакенъ расположился у Ломзы. Якацъ лежитъ на небольшой болотистой рѣчкѣ. Возвышенія противуположнаго берега были къ вечеру того же дня заняты поляками. Въ это время артиллерія авангарда Бистрома имѣла перестрѣлку съ непріятельскою, безъ всякаго послѣдствія; но эта была первая наша встрѣча, которую мы такъ давно ожидали.

Совѣтъ.

6-е число прошло въ нашемъ бивуакѣ въ недоумѣніи. Къ вечеру его высочество созвалъ нѣкоторыхъ генераловъ къ себѣ на совѣщаніе: Щербатова, Бистрома, Веймарна и Шепшина. Я также былъ призванъ къ его высочеству. —Дѣло шло о разрѣшеніи вопроса, атаковать ли непріятеля или отступать? Какъ младшій, я долженъ былъ объяснить мое мнѣніе первый. Вотъ въ чемъ оно состояло:

1-е) Основываясь на томъ, что непріятель, ободренный успѣхомъ противъ Розена, и мыслію, что гвардія не вдается въ дѣло, полагаетъ достаточнымъ своего появленія, чтобы устранить насъ и вынудить къ отступленію. Неожиданность нападенія нашего же нѣкоторою порукою успѣха. 2-е) По тѣмъ же причинамъ надо полагать, что безпорядокъ расположенія войскъ непріятеля, имѣя въ виду наше отступленіе, будетъ способствовать нашему нападенію. 3-е) Положеніе непріятеля, имѣющаго въ тылу Наревъ, поставитъ его въ затрудненіе неминуемое. 4-е) Числительная сила его, если предположить одинаковою съ нашей, то превосходство гвардіи, отборнаго нашего войска, дѣлаетъ наиболѣе сильнѣе, и наконецъ, 5-е) Отрядъ генералъ-маіора Сакена отъ Ломзы будетъ или содѣйствовать намъ или отвлечетъ часть непріятеля отъ насъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ мнѣніе мое атаковать непріятеля

на правый его флангъ. Всѣ возраженія на мнѣніе мое заключались въ одномъ: „не забывайте, что мы гвардія.“

Между тѣмъ въ удостовѣреніе 2-го пункта, который я сильно поддерживалъ, чтобы убѣдить въ малой нашей потерѣ при неожиданномъ нападеніи,—я вызвался сдѣлать обозрѣніе непріятеля, не теряя времени, и донести, что̀ мною будетъ замѣчено.

Рекогносцировка.

Сѣвъ на коня, я отправился съ казакомъ къ рѣчкѣ Якацъ нѣсколько верстъ выше деревни того названія, и, доѣхавъ до кустовъ, слѣзъ съ лошади и, оставя ее казаку, добрался до самой рѣчки. При освѣщеніи огней, спрятавшись въ кустахъ на довольно удобномъ мѣстѣ, я могъ разглядѣть, что дѣйствительно войска непріятеля стояли въ безпорядкѣ; даже у рѣчки не было никакихъ передовыхъ постовъ. Часть артиллеріи, какъ видно недавно прибывшей, стояла на передкахъ и возлѣ сихъ послѣднихъ кормились привязанныя лошади. На высотахъ кавалерія и пѣхота были перемѣшаны въ какую то общую колонну.

Убѣдившись, что поляки слишкомъ увѣрены въ нашей скромности, я поспѣшилъ добраться до моей лошади и поскакалъ къ его высочеству. Немедленно собрались къ нему тѣ-же генералы, но тутъ проникнутый мыслью и увѣренностью въ успѣхъ, я говорилъ съ большимъ жаромъ. Его высочество молчалъ, генералы рѣшили, кажется, отступать во чтобы ни стало. Одинъ генералъ Шеншинъ склонился на мою сторону. Тогда его высочество сказалъ: „ну, рѣшайте большинствомъ голосовъ“. Три голоса были противъ нашихъ двухъ, и вслѣдъ за симъ поскакали адъютанты съ приказаніемъ готовиться къ отступленію, а ночью на 7-е число мы уже слѣдовали всѣмъ корпусомъ на Менжеминъ.

Отступленіе.

8-го пришли въ Лопухово и черезъ нѣсколько часовъ потянулись далѣе; съ 8-го на 9-е ночью прошли Тикочинъ и направились на Жолтки.

Переходы были сильные, войска утомились. Авангардъ (sic) дрался противъ непріятеля безъ отдыха. Кто не знаетъ, какъ утомитель-

ны ночные переходы.—Не взирая на то, я не чувствовалъ усталости,—такъ занимала меня мысль, относившаяся къ нашему настоящему положенію: авангардъ нашъ, думалъ я, дерется противъ превосходнаго непріятеля, который можетъ тѣснить его до того, что, не взирая на стойкость передовыхъ войскъ нашихъ, Бистромъ могъ своротить отъ Тикочина влѣво за р. Наревъ и открыть непріятелю длинную колонну нашего корпуса, тянувшуюся одною кишкою къ Жолткамъ. Съ другой стороны г. Бистромъ не могъ не отдѣлить часть отряда за Тикочинскую переправу для защиты нашей границы на этомъ пунктѣ. Но ослабить еще болѣе себя противъ непріятеля, уже превосходнаго въ силахъ, было опасно. Все заставляло думать, что авангардъ, на который мы такъ считаемъ, можетъ перейти Наревъ при Тикочинѣ и оставить насъ на произволъ собственной предосторожности. Это опасеніе я сообщилъ генералу Шеншину, съ которымъ ѣхалъ весь переходъ въ головѣ нашей колонны, и онъ, совершенно раздѣляя мои опасенія, торопилъ людей идти живѣе къ переправѣ у Жолтокъ, до которой оставалось намъ еще 4 версты.

Ослушаніе.

Въ минуту нашей внутренней тревоги, адъютантъ Бакунинъ прискакалъ съ приказаніемъ отъ Его Высочества, находившагося въ хвостѣ колонны. Заботясь объ отдохновеніи людей и считая на авангардъ, Его Высочество приказывалъ остановить войска, въ томъ порядкѣ какъ они шли, и сдѣлать привалъ. Мы съ Васильемъ Никаноровичемъ взглянули другъ на друга и я рѣшился отвѣчать, что „теперь не время останавливаться на отдыхъ, а надо спѣшить за переправу на выгодную позицію.“ На это Бакунинъ возразилъ, что прежде всего надо исполнить приказаніе Его Высочества, а я доложу вашъ отвѣтъ великому князю. „Доложите и прибавьте, что я поѣхалъ за переправу ставить желоперовъ“. Шеншинъ, видя всю важность этой минуты, продолжалъ поспѣшать къ переправѣ, ожидая вторичнаго приказанія отъ великаго князя. Пока адъютантъ доѣхалъ къ намъ и обратно до командующаго корпусомъ, колонна приближалась къ переправѣ и я вводилъ головные батальоны на мѣста главной позиціи, занятой нами безъ упущенія малѣйшихъ выгодъ, представлявшихъ мѣст-

ностью. Это было въ 5-мъ часу утра 9-го мая.—Шеншинъ, доѣхавъ до меня, полюбовался мѣстностью, выбранною для артиллеріи, и шутя прибавилъ: „Смотрите, чтобы за ваше искуство вамъ сегодня не досталось.“ И въ самое то время тотъ же адъютантъ привезъ приказаніе, что когда я кончу свое дѣло, то Его Высочество приказалъ мнѣ идти подъ арестъ.

На длинной греблѣ черезъ р. Наревъ стоитъ небольшой домикъ таможни.. Въ немъ остановился великій князь съ своимъ штабомъ. За греблею же, къ сторонѣ непріятеля, за нешмѣніемъ легкой кавалеріи (которая вся находилась у Бистрома) былъ поставленъ кирасирскій Ея Величества полкъ и отъ него ведеты.

Поставивъ войска на позицію, я отправился по греблѣ къ таможенному домику. – Мысль, что я исполнилъ долгъ мой, ободряла меня въ положеніи, столь для меня обидномъ.

Дѣло при Жолткахъ.

Я ѣхалъ, чтобы отдать мою шпагу; но едва успѣлъ поравняться съ домикомъ, какъ выстрѣлъ изъ орудія произвелъ ужасную суматоху въ домикѣ и въ полку Жадовскаго. Не то ощущеніе произвелъ во мнѣ этотъ выстрѣлъ. Я понялъ, что этотъ выстрѣлъ былъ торжествомъ моимъ. Поворотя лошадь, я увидѣлъ, что на позиціи войска становятся въ ружье. Я выдвинулъ два орудія на самую греблю, а Шеншинъ выдвинулъ одинъ батальонъ къ мосту на Наревѣ, чтобы при необходимости тотчасъ разобрать его.

Между тѣмъ мимо насъ промчались посѣтители таможеннаго домика и полкъ Жадовскаго, въ самомъ потеряномъ положеніи.

Едва было очищено ими мѣсто для дѣйствія артиллеріи, нѣсколько перекрестныхъ выстрѣловъ, хорошо направленныхъ съ боковыхъ отъ гребли батарей и орудій, на самой греблѣ остановили непріятеля, спѣшившаго за Жадовскимъ. Мостъ былъ разобранъ. Непріятель увидѣлъ насъ готовыми принять его на неприступной позиціи. Опасеніе мое оправдалось: Бистромъ вынужденъ былъ переправиться у Тикочина и открыть непріятелю доступъ къ нашимъ главнымъ силамъ, не успѣвъ даже предупредить насъ. Дѣло, ограничившись перестрѣлкою изъ орудій, скоро стало стихать, и всѣ убѣдились, что мы въ безопасномъ положе-

ніи. Тогда я счелъ удобною минутою исполнить повелѣніе Его Высочества отдать мою шпагу. Отыскавъ великаго князя, сидящаго у преображенскаго полка на барабанѣ съ сигаркою, я почтительно подошелъ къ нему, спрося приказаніе кому отдать мою шпагу? Но тутъ великій князь, чувствуя послѣдствія, какія могли бы произойти съ гвардіею, если бы мы отдыхали на привалѣ передъ переправою, обнялъ меня съ тѣмъ порывомъ прекрасной души его, которыя такъ всѣмъ извѣстны, и сказалъ сквозь слезы: „извини меня.“—Эта минута была лучшею въ моей военной жизни. Но отношенія къ великому князю, столь щекотливыя въ этомъ дѣлѣ, едва ли позволяли сознаваться мнѣ самому внутренно, что я содѣйствовалъ къ спасенію гвардейскаго корпуса. Кто же послѣ того изъ окружающихъ его посмѣлъ замѣтить это обстоятельство?—Многіе, можетъ быть, и не поняли всей важности его и оно скрылось подъ непроницаемымъ покрываломъ придворной лести. Но тутъ я могу сознаться и въ исполненіи другаго долга, столь же для меня священнаго: я всегда молчалъ объ этомъ происшествіи.

Наградою за дѣло при Жолткахъ былъ орденъ св. Владиміра 3 степени.

Послѣ 9-го мая я пользовался благорасположеніемъ Его Высочества, и по возвращеніи въ С. Петербургъ, онъ самъ вызвался крестить сына моего Михаила, для чего я имѣлъ счастіе принимать его у себя въ скромномъ моемъ жилищѣ и угощать его. Его Высочество обласкалъ все семейство мое и съ особеннымъ чувствомъ говорилъ о службѣ моей при немъ во время польской кампаніи.

10-го числа мы провели у переправы. Его Высочество перешелъ въ Хорощъ; 11-го мы начали замѣчать движеніе въ непріятельскомъ лагерѣ и на другое утро, съ разсвѣтомъ, противуположный берегъ опустѣлъ. Поляки поспѣшно отступили.... То было слѣдствіемъ движенія Дибича на Остроленку.

Движеніе къ Остроленкѣ.

Авангардъ выступилъ 12-го числа утромъ вслѣдъ за непріятелемъ, а главныя силы корпуса послѣ полудня и дошли на ночлегъ къ Лапухову. 13-го перешли въ Снядовъ.

Здѣсь В. Н. Шеншинъ, чувствуя припадки свирѣпствовавшей

тогда холеры, не могъ далѣе слѣдовать и пожелалъ остаться въ Снядовѣ. Черезъ нѣсколько дней скончался почтенный и благородный Шеншинъ. Доброе расположеніе его ко мнѣ было большимъ разсѣяніемъ въ моемъ одиночествѣ и кончина его оставила для меня какую-то грустную пустоту.—14-го мая, на походѣ къ Остроленкѣ, слышались вдали глухіе раскаты выстрѣловъ. При Остроленкѣ происходило сраженіе; мы поспѣшали на соединеніе съ арміею. Къ 3-мъ часамъ утра 15-го числа, мы успѣли соединиться съ нею, сдѣлавъ нѣсколько усиленныхъ переходовъ. Сраженіе было уже кончено. Непріятель отброшенъ за Наревъ. Остановясь съ гвардейскимъ корпусомъ въ двухъ верстахъ отъ мѣста сраженія, его высочество послалъ меня въ главную квартиру испросить приказанія гдѣ расположиться гвардейскому корпусу. Послѣ утомительнаго дѣла, все въ главной квартирѣ предалось успокоенію на мѣстѣ сраженія, и я съ трудомъ отыскалъ генерала Нейдгардта, разбудилъ его и донесъ о прибытіи гвардіи. Онъ, передавъ мнѣ приказаніе, завернулся снова въ шинель свою, а я отправился обратно.—16-го числа мы расположились бивуакомъ у Остроленки. Холера начала показываться въ войскахъ, и всѣ начинали брать предосторожности. Не взирая на то, въ тотъ же день я почувствовалъ нѣкоторые припадки и долженъ былъ переѣхать въ городъ, гдѣ помѣстился въ уцѣлѣвшей комнатѣ одного разореннаго дома. Ночью припадки усилились, но благодаря Бога и искуству славнаго доктора и рѣдкаго человѣка Шлегеля, который нѣсколько часовъ не отходилъ отъ моей постели, я выздоровѣлъ, но по слабости не могъ слѣдовать съ корпусомъ и ѣхалъ въ коляскѣ до Макова, куда прибылъ вмѣстѣ съ войсками 22-го мая, выѣхавъ изъ Остроленки 20-го.

Пребываніе въ Маковѣ.

Въ Маковѣ мы простояли съ войсками гвардейскаго корпуса цѣлый мѣсяцъ. Въ теченіи этого времени холера не унималась; главною жертвою былъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ, внезапно скончавшійся 29-го мая, близь Пултуска, въ мызѣ Клешовѣ. За болѣзнію П. Ѳ. Беймарна я исправлялъ должность начальника штаба гвардейскаго корпуса и ежедневно ходилъ съ докладомъ къ Его Высочеству. Въ эти дни, оставаясь наединѣ съ великимъ княземъ,

я былъ нѣсколько разъ осчастливленъ его откровенностью, и изъ разговора съ нимъ, особенно 1-го іюня (въ этотъ день онъ удержалъ меня у себя болѣе двухъ часовъ послѣ доклада) я удивленъ былъ вѣрностью взгляда его на вещи, на образъ мыслей молодыхъ людей настоящаго времени, и снисходительнымъ вниманіемъ добраго его сердца къ проступкамъ, къ которымъ увлекаются пылкостью, и изъ угрюмаго чела его какъ часто являлись проблески благородной души его.

Прибытіе гр. Паскевича.

Гр. Паскевичъ, смѣнивъ покойнаго Дибича, прибылъ въ главную квартиру 13-го іюня. Проѣздомъ черезъ Маковъ, Паскевичъ пробылъ у его высочества нѣсколько часовъ и 16-го снова прибылъ въ гвардейскій лагерь, для осмотра войскъ. Корпусъ былъ построенъ передъ своими бивуаками и фельдмаршалъ принятъ войсками съ замѣтнымъ восторгомъ.—Солдаты, утомленные переходами, безъ всякихъ доселѣ послѣдствій, ожидали чего то новаго, рѣшительнаго, надѣялись на скорую развязку.

Движеніе къ Вислѣ.

22-го іюня было назначено для выступленія къ низовьямъ Вислы. Нашъ корпусъ составлялъ правую колонну арміи и двинулся къ Цѣханову, 23-го прибылъ въ Госциславъ, 24-го въ Крайково, 25-го въ Сетроніе и 26-го въ Повшинъ, близъ Плоцка.

Извѣстіе о кончинѣ цесаревича.

До выступленія нашего, его высочество получилъ (10-го числа) извѣстіе о кончинѣ цесаревича Константина Павловича. Всѣ переходы великій князь былъ задумчивъ и на лицѣ его изображалась глубокая горесть. Близъ Плоцка мы простояли два дня.

Избавленіе мое отъ вѣрной смерти.

Не доходя одного перехода до Павшина, я былъ посланъ въ главную квартиру съ порученіемъ отъ его высочества и, возвратясь оттуда въ Сетроніе, нашелъ всю нашу корпусную квартиру расположенною въ одномъ обширномъ сараѣ. Это былъ 6-й часъ по

полудни и нѣсколько группъ нашего штаба усѣлись въ немъ для обѣда. Ближайшею къ выходу былъ нашъ корпусный докторъ Гулькевичъ съ аптекаремъ. Уставъ отъ моей поѣздки, я очень обрадовался найти товарищей готовыми раздѣлить походный обѣдъ свой со мною и едва вошелъ я въ сарай, какъ Гулькевичъ, наливъ въ двѣ рюмки водки и подмѣшавъ въ нее какую-то настойку, пригласилъ выпить съ нимъ изъ предосторожности отъ холеры. Я занесъ уже рюмку ко рту, какъ Львовъ, адъютантъ Щербатова, схвативъ меня за руку, отнялъ рюмку, сказавъ: „что за охота тебѣ пить эту микстуру, выпей лучше моего кюммелю,“ и заставилъ выпить. Гулькевичъ отдалъ тогда предназначенную мнѣ рюмку аптекарю и оба разомъ осушили ихъ. Но лишь только они выпили микстуру свою, какъ почувствовали жестокую боль и жженіе въ желудкѣ. Въ составленіи этой водки аптекарь не распозналъ свои скляночки и, вмѣсто травяной настойки, влилъ въ рюмки эссенцію шпанскихъ мухъ. Побѣжали за помощью этимъ двумъ несчастнымъ и сдавъ ихъ на руки какого то полковаго доктора,— мы отправились далѣе. На другой день у Плоцка Гулькевичъ и аптекарь умерли въ жестокихъ припадкахъ холеры. Такимъ образомъ я былъ спасенъ чуднымъ образомъ Провидѣніемъ, которое послало мнѣ Андрея Михайловича Львова съ своимъ кюммелемъ.

Тревога и выступленіе.

29-го іюня товарищи мои гвардейскаго генеральнаго штаба вздумали отпраздновать мои имянины, пригласивъ меня на заготовленный ими пиръ вечеромъ, на квартирѣ полковника Брюммера. Но едва мы собрались, какъ услышали тревогу въ лагерѣ. Въ одинъ мигъ разбѣжались мы къ лошадямъ своимъ и черезъ четверть часа, подъ холодный дождикъ, собрались всѣ въ лагерѣ. Войска стояли въ ружьѣ, непріятеля нигдѣ не показывалось, мы не понимали причины этой тревоги. Между тѣмъ дождь усиливался, ружья опять составили, и мы, измоченые до костей, провели какъ могли всю ночь на сырой землѣ, ожидая съ нетерпѣніемъ развязки. Къ утру велѣно было выступать и къ 8-ми часамъ слѣдующаго дня мы прибыли въ Сребрно.

Впослѣдствіи мы узнали, что тревога произошла отъ извѣстія, полученнаго Паскевичемъ, что непріятель въ значительныхъ

силахъ подошелъ къ Плонску, занялъ этотъ городъ и выдвинулъ свой авангардъ къ Болкову. Со всѣмъ тѣмъ мы не понимали, почему же нашъ корпусъ простоялъ всю ночь на 30-е число въ ружьѣ. Но таковъ характеръ нашего главнокомандующаго!

Движеніе къ Вислѣ продолжалось черезъ Камень-Котово (1-го іюля), г. Липно (2-го іюля), гдѣ была дневка 3-го и 4-го числа. 5-го прибыли въ Киколь, 6-го дневали въ этомъ селеніи и 7-го переправились черезъ Вислу при Слонскѣ. Тутъ, на границѣ Пруссіи, стояли прусскія войска, равнодушно смотрѣвшія на наше движеніе и занимавшія посты по протяженію границы. Въ этотъ день мы дошли до Радціонзскъ, простояли тутъ два дня и 10-го перешли въ Нишаву, гдѣ оставались до 15-го числа, перейдя въ тотъ день въ Віенецъ; 16-го выступили къ Раутову, 17-го въ Гостининъ, 18-го въ Валищевъ, 19-го дневка, 20-го въ Черніевъ, 21-го въ Галіонска, 22-го расположились въ Ловичѣ.

До главнокомандующаго дошли опять слухи, что непріятель намѣревается сдѣлать рѣшительную атаку по лѣвому берегу Бзуры на Ловичъ. Послѣдствіемъ этихъ слуховъ опять тревога, опять ночь на 23-е число простояли подъ ружьемъ по пустому.

25-го, въ часъ ночи, двинулись на Башлковъ. Мы доходимъ съ гвардіей до Ниборова—непріятель отступаетъ за р. Равку. Въ тотъ же день мы съ штабомъ нашимъ переѣзжаемъ въ Аркадію. До 3-го августа остаемся въ этомъ прекрасномъ помѣстьи и потомъ переходимъ въ Рудинополь, 4-го въ Біеневицъ, 6-го въ Валендовъ. Тутъ гвардейскій корпусъ стоялъ до 24-го августа.— По приказанію главнокомандующаго, въ полкахъ дѣлали приготовленія фашинъ и лѣстницъ; люди упражнялись въ употребленіи штурмовыхъ снарядовъ—и все ожидало скораго окончанія рѣшительнымъ ударомъ на Варшаву.

Пока главнокомандующій съ генералами составляли планъ штурма укрѣпленій, мы ѣздили обозрѣвать мѣстность и весь генеральный штабъ изучилъ оную по всѣмъ направленіямъ.

Движеніе къ Варшавѣ.

24-го числа, по данной диспозиціи, армія подступила къ Варшавѣ.—Гвардейскій корпусъ слѣдуетъ черезъ Волицу и Рашинъ и располагается позади лѣса у Опаче-віельки.

По диспозиціи на 25-е число всѣмъ войскамъ велѣно готовыми быть къ бою, гвардейской пѣхотѣ слѣдовать за движеніемъ 2-го корпуса, оставляя селеніе Скороше и Солибсы влѣво. Съ началомъ дѣйствія артиллеріи гвардейскій корпусъ останавливается за 2-мъ корпусомъ.

25-е августа.

Войска ночевали въ колоннахъ на опредѣленныхъ имъ мѣстахъ и до наступленія дня 25 августа заняли мѣста влѣво отъ деревни Опаче-віельки. Въ 4 часа пополуночи войска, въ колоннахъ къ атакѣ, тронулись съ мѣста и пошли по назначеннымъ направленіямъ.

Начало боя.

Ударилъ часъ, съ которымъ кончилось перемиріе. Отвѣта ожидаемаго не было. По всей линіи загремѣла артиллерія, обстрѣливая непріятельскіе редуты.

Въ началѣ дѣла, съ первымъ отвѣтомъ непріятельскихъ редутовъ, одинъ изъ выстрѣловъ пролетѣлъ близко къ фельдмаршалу — который, получивъ контузію въ лѣвую руку ядромъ, сдалъ графу Толлю командованіе. Въ эту минуту его высочество подъѣхалъ туда освѣдомиться о положеніи фельдмаршала, и я своими глазами видѣлъ, какъ съ свойственнымъ графу Толлю хладнокровіемъ, онъ призвалъ адъютантовъ и разослалъ съ извѣщеніемъ къ корпуснымъ командирамъ о принятіи имъ командованія арміею. Фельдмаршала отвезли въ коляскѣ, и вслѣдъ за тѣмъ графъ Толль велѣлъ прекратить пальбу и штурмовыя колонны двинулись.

Гвардейскій корпусъ сталъ по правую сторону Вольскаго шоссе, 5-я бригада откомандирована была для присоединенія съ гренадерскимъ за Волею.

Во время штурма гвардейскій корпусъ былъ сближенъ съ боевою линіею у Воли. Битва длилась до полуночи. Постепенно редуты и городской валъ были въ рукахъ русскихъ. Въ ночной темнотѣ пожары освѣтили городъ и валъ вооруженъ нашими батарейными орудіями. Половина передовыхъ войскъ оставалась подъ ружьемъ, гвардейскій корпусъ сталъ между обѣими линіями внѣшнихъ укрѣпленій, а кавалерія собрана въ значительномъ числѣ на флангахъ.

Сдача Варшавы.

Между тѣмъ, по мѣрѣ успѣха нашихъ войскъ, соглашенія съ непріятелемъ шли быстро.—Столица была уступлена.

Вступленіе гвардіи.

На другой день (27-го числа) рано утромъ въ лагерѣ гвардейскаго корпуса все зашевелилось; но то было не приготовленіе къ бою, не движеніе на приступъ, а просто чистка, бѣленіе амуниціи. Гвардія рядилась для церемоніальнаго марша, и въ 8 часовъ утра, подъ личнымъ начальствомъ его высочества, вступила въ городъ черезъ Іерусалимскую заставу. У самой заставы насъ встрѣтили депутаты съ ключами города, униженно представя ихъ его высочеству. Не останавливаясь, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, весело прошли мы главныя улицы города и расположились бивуаками на главныхъ площадяхъ онаго.

Великій князь съ штабомъ своимъ помѣстился въ Лазенкіевскомъ дворцѣ. Начальникъ штаба, я и адъютанты заняли лѣвый флигель. Нетерпѣливо ожидали мы сдачу Модлина и окончанія военныхъ дѣйствій на нѣкоторыхъ пунктахъ царства. Съ своей стороны нетерпѣніе мое было выше всякой мѣры: я ждалъ счастливой минуты возвращенія моего къ семейству.

Гвардейскій корпусъ построился въ 50 саженяхъ позади 2-го корпуса, между деревнями Раковымъ и Влохами.

Послѣ сильнаго артиллерійскаго огня, 2-й корпусъ двинулся отъ насъ на приступъ, а черезъ нѣсколько времени 5-я гвардейская бригада получила приказаніе подкрѣпить г.-л. Муравьева, дѣйствовавшаго противъ Іерусалимской заставы. Великій князь поручилъ мнѣ вести эту бригаду и по приказанію Муравьева я поставилъ ее на шоссе впереди Ракова. Мы прибыли на мѣсто послѣ взятія Муравьевымъ редута № 53 и окоповъ, облегающихъ д. Раковецъ. Но непріятель продолжалъ дѣйствовать артиллеріею изъ окоповъ 2-й линіи и Уминскій, присоединивъ къ себѣ вытѣсненныя войска, открылъ по насъ огонь съ лѣваго своего фланга и изъ батареи, находившейся у Іерусалимской заставы.—Съ обѣихъ сторонъ канонада продолжалась довольно долго.

Я возвратился къ Его Высочеству; огонь по всей линіи сталъ стихать, послѣ взятія передовыхъ укрѣпленій Варшавы и Воли.— Въ 6-ть часовъ все умолкло и вечеромъ 5-я бригада присоединилась къ корпусу.

Приступъ остальныхъ укрѣпленій отложенъ былъ до другаго дня.

26-е августа.

По диспозиціи всѣ войска должны были стать въ ружье въ 4 часа утра. Но по случаю открывшихся переговоровъ съ непріятелемъ, всѣ движенія остановлены до новаго приказанія.

Фельдмаршалъ согласился на свиданіе съ генераломъ Круковецкимъ; оно произошло въ 9 часовъ утра въ корчмѣ между Волею и городомъ. Его высочество также участвовалъ въ переговорахъ, и потому къ назначенному времени мы сопровождали великаго князя къ назначенному мѣсту, гдѣ уже былъ фельдмаршалъ съ своимъ штабомъ. Паскевичъ и великій князь стояли на шоссе, окруженные многочисленною свитою, когда генералъ Круковецкій прискакалъ съ своимъ штабомъ и, размѣнясь учтивыми привѣтствіями съ фельдмаршаломъ, оба они и нѣкоторые генералы сошли съ лошадей и вошли въ корчму.

Пока шелъ довольно горячій разговоръ тамъ, отъ котораго доходили до насъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ громко и съ жаромъ, мы всѣ, окружающіе обоихъ главнокомандующихъ, сошли съ лошадей и, перемѣшавшись между собою, многіе нашли старыхъ знакомыхъ изъ бывшихъ при покойномъ цесаревичѣ офицеровъ, и сходились между собою вовсе не какъ непріятели. Польскіе офицеры изъявляли сожалѣніе о положеніи взаимныхъ отношеній въ настоящее время, надѣялись, что скоро все кончится и изъявляли откровенное въ томъ нетерпѣніе.

Наконецъ переговоры кончились, перемиріе заключено до часа по полудни для рѣшенія сеймомъ о безусловной покорности.— Обѣ стороны разъѣхались.

Выступленіе къ Блонiи и возвращеніе.

Но 11-го сентября партіи, посланныя къ Плоцку, извѣстили насъ, что непріятель переправляется черезъ Вислу. Для воспрепятствованія сему намѣренію были составлены два корпуса, одинъ

подъ начальствомъ графа Палена, другой изъ части гвардіи и гренадерской дивизіи и кавалеріи подъ командою великаго князя.— 12-го числа мы двинулись въ Блоніе и по переходѣ непріятеля на правый берегъ Вислы, 14-го сентября, мы возвратились въ Варшаву.

Дни передъ моимъ отъѣздомъ.

Между тѣмъ многіе изъ товарищей были отпущены на родину. 17-го сентября уѣхалъ Александръ Веригинъ, но моя очередь пришла только 7-го октября.

Прощальный обѣдъ офицеровъ гвард. генеральнаго штаба.

4-го октября общество офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба, которое всегда имѣло ко мнѣ расположеніе, самое для меня лестное, великолѣпнымъ обѣдомъ ознаменовало сожалѣніе разстаться со мною, и этотъ прощальный пиръ меня тронулъ до глубины сердца. Сколько было искреннихъ заявленій, столько истины въ чувствахъ всего этого отличнаго общества офицеровъ.

6-го числа полковникъ Брюммеръ еще разъ собралъ у себя то же общество вечеромъ, и тутъ мы простились.

Обѣдъ у великаго князя и выѣздъ.

На другой день утромъ я хотѣлъ пуститься въ дорогу, но представясь великому князю, его высочество такъ былъ милостивъ, что не хотѣлъ отпустить меня безъ того, чтобы я у него не отобѣдалъ. И такъ послѣ обѣда, на которомъ великій князь, отъ всей неоцѣненной души его, благодарилъ меня за службу и отпустилъ меня, обнадеживъ на будущее всегдашнее его благорасположеніе,—вечеромъ въ 7 часовъ я оставилъ Варшаву. 8-го числа въ три часа по полудни прибылъ въ Брестъ-Литовскій и ночевалъ въ Кобринѣ, а 11-го въ 8 часовъ утра пріѣхалъ въ Вильну.

Поѣздка въ Кетовичи.

На другой день, полагая окрестности Вильны безопасными, я предпринялъ небольшое путешествіе къ двоюродной сестрѣ моей Зиновичевой; но на 2-й станціи, подозрѣвая моего подводчика еврея въ нѣкоторыхъ умыслахъ изъ разныхъ переговоровъ въ

каждой жидовской корчмѣ и грубыхъ его отвѣтахъ, я силою остановилъ его противъ почтовой станціи и велѣлъ ямщикамъ удержать еврея.—Смотритель станціи, русскій, разсказалъ мнѣ о разныхъ убійствахъ въ окрестностяхъ и убѣдилъ не ѣхать далѣе.

Давъ еврею порядочный урокъ съ помощью смотрителя и его ямщиковъ,—велѣлъ отпустить его, а самъ черезъ два часа прискакалъ на почтовыхъ въ Вильну.

Выѣздъ изъ Вильны.

13-го выѣхалъ изъ Вильны, и 18-го обѣдалъ въ Новгородѣ. Къ вечеру, пріѣхавъ въ Валдай, я послалъ одного изъ людей моихъ въ Келицы, предупредить о моемъ пріѣздѣ, и съ разсвѣтомъ пустясь въ путь, привѣтствовалъ наступившій день, 19-го октября, какъ день изъ счастливѣйшихъ моей жизни.

Встрѣча въ Крутикахъ

Въ Едровѣ, нанявъ шестерикъ въ коляску, своротилъ влѣво, по той безконечно длинной проселочной дорогѣ, которая ведетъ черезъ Дубровку. Не болѣе часа ямщикъ условился кормить тутъ лошадей своихъ; но этотъ часъ мнѣ казался вѣчностью. Наконецъ я выѣхалъ, и съ послѣдней станціи, проѣхавъ плотину и обогнувъ песчаную поляну, съ рѣдкими соснами, мы выѣхали въ боръ, то поднимаясь, то спускаясь по холмистымъ пескамъ, то проѣзжая тряскіе мостки;—и поднявшись на одинъ изъ тѣхъ холмовъ, послышался шумъ экипажа, голосъ кучера; наконецъ показалась старинная линейка.—Стой!..... и однимъ мигомъ мы были въ объятіяхъ другъ друга..... Описать всѣ ощущенія этихъ счастливыхъ минутъ трудно. Пусть всякій, кто умѣетъ чувствовать, представитъ ихъ своему воображенію.

Пріѣздъ въ село Келицы.

Доѣхалъ до села, гдѣ всѣ родные жены моей были собраны;—жена принесла ко мнѣ ребенка нашего, который родился во время моего похода; я заключилъ маленькое семейство въ горячія объятія и счастье въ черту семейства; наконецъ сердце отлегло отъ долгаго своего волненія—душа отдохнула. Павелъ Тучковъ.

ТУЧКОВЫ.

Помѣстивъ въ этой книгѣ „Записки“ Павла Алексѣевича Тучкова (бывшаго Московскаго военнаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта и генералъ-отъ-инфантеріи)—„Записки“, сообщенныя его достопочтенными сыновьями М. П. и Н. П. Тучковыми, считаемъ вполнѣ умѣстнымъ напомнить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія какъ объ этой славной фамиліи, выдвинувшей изъ своей среды цѣлый рядъ усердныхъ слугъ Россіи, такъ и о составителѣ нами напечатанныхъ „Записокъ“. Ред.

Тучковы ведутъ свой родъ съ XIII столѣтія, когда слава побѣдъ в. к. Александра Невскаго привлекла изъ чужихъ краевъ, въ особенности изъ Австріи и Пруссіи, многихъ именитыхъ людей. Одинъ изъ нихъ, выходецъ изъ Пруссіи, Михаилъ, получившій въ Россіи прозвище Прушанинъ, былъ сподвижникомъ в. кн. Александра Невскаго, начальствуя частью рати его на берегахъ Невы. Отъ него ведутъ свое происхожденіе Тучковы. Потомки Михаила были боярами и послами, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи[1]), при Іоаннѣ III и Василіѣ Іоанновичѣ въ 1477 и 1510 годахъ; одинъ изъ нихъ, Михаилъ Васильевичъ, былъ въ 1521 году намѣстникомъ Новгородскимъ и возобновилъ на десять лѣтъ мирный договоръ съ главою рыцарей ливонскихъ Плетенбергомъ. Тогда Тучковы носили прозвище Тучко-Морозовы; одинъ изъ нихъ, Борисъ, принялъ фамилію Тучкова, которая и существуетъ до сего времени. Дочь Ивана Борисовича Ирина Ивановна была въ супружествѣ за бояриномъ Юріемъ Захарьевичемъ; внука ея Анастасія Романовна была первою супругою Іоанна Грознаго, а правнукомъ ея—Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Съ тѣхъ поръ Тучковы постоянно отличаются вѣрною и честною службою во всѣхъ послѣдующихъ царствованіяхъ, что доказывается хранящимися въ семействѣ ихъ грамотами на имѣнія, жалованными имъ за оказанные ими подвиги и заслуги. Въ цар-

---

[1]) Біогр. Тучковыхъ, составл. П. А. Тучковымъ въ 1839 по источн. Софійскій Временникъ, Исторія Государства Россійскаго Карамзина и фамильные документы.

ствованіе императрицы Екатерины II Алексѣй Васильевичъ Тучковъ начальствовалъ надъ крѣпостями по польской и турецкой границамъ, былъ инженеръ-генералъ-поручикомъ и начальникомъ инженернаго корпуса. Подъ его наблюденіемъ былъ построенъ первый постоянный деревянный мостъ черезъ Неву, и въ честь его названъ его именемъ. Въ царствованіе императора Павла I Алексѣй Тучковъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ одинъ изъ департаментовъ правительствующаго Сената въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1799 году. Въ отечественную войну 1812 года изъ пяти сыновей Алексѣя Тучкова, четверо, уже въ генеральскихъ чинахъ, принимаютъ въ ней славное участіе: старшій, Николай Алексѣевичъ [1]), въ качествѣ корпуснаго командира, смертельно раненъ подъ Бородинымъ; младшій, Александръ Алексѣевичъ, начальствуя бригадою въ томъ-же бою и защищая флеши у деревни Семеновской—убитъ, (его супруга Маргарита Михайловна, рожденная Нарышкина, была основательницею и первою игуменью Спасо-бородинскаго монастыря, построеннаго ею на мѣстѣ славной смерти ея мужа; впослѣдствіи была воспріемницею при таинствѣ Св. миропомазанія государыни императрицы Маріи Александровны); третій братъ, Павелъ Алексѣевичъ, во главѣ отдѣльнаго отряда остановилъ, въ извѣстномъ сраженіи подъ Валутиной горой, напоръ Наполеоновскихъ войскъ, хотя отъ излишней отважности, раненый, и былъ, при наступившей темнотѣ, захваченъ въ плѣнъ. Впослѣдствіи, въ царствованіе императора Николая I, Павелъ Алексѣевичъ сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта, предсѣдателемъ коммиссіи прошеній и кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Четвертый братъ, Сергій Алексѣевичъ, былъ съ начала 1812 года дежурнымъ генераломъ Дунайской армій подъ начальствомъ адмирала Чичагова и принималъ дѣятельное участіе въ бывшей въ то время войнѣ съ Турціею; начальствуя отдѣльнымъ отрядомъ, Тучковъ взялъ съ бою городъ Мангалію, а за переселеніе Некрасовскихъ казаковъ обратно въ Россію и за построеніе и заселеніе города на Дунаѣ (нынѣ предмѣстье крѣ-

[1]) Николай Алексѣевичъ за свое мужество, доброту сердца и образованіе, за строгое безкорыстіе и непоколебимое прямодушіе пользовался уваженіемъ всей арміи. (Военно-энциклопед. лексиконъ бар. Зедделера, томъ XIII, стр. 175).

пости Измаила) безъ всякихъ издержекъ для казны, удостоенъ въ память потомству, что, по Высочайшему повелѣнію, городъ этотъ названъ его именемъ. Въ царствованіе императора Николая I Сергій Тучковъ участвовалъ вновь въ войнѣ съ Турціею, въ 1828 году, и во время пребыванія русской арміи въ непріятельскихъ предѣлахъ за Дунаемъ былъ начальникомъ Бабадагской области; по окончаніи этой войны былъ измаильскимъ градоначальникомъ и за отличное управленіе градоначальствомъ награжденъ орденомъ Бѣлаго орла; умеръ въ Москвѣ въ 1839 г.

Пятый и самый старшій братъ помянутыхъ выше Тучковыхъ, Алексѣй Алексѣевичъ, началъ службу въ артиллеріи и достигъ чина генералъ-маіора въ послѣдній годъ царствованія императрицы Екатерины II, но при императорѣ Павлѣ I, вслѣдствіе непріятностей, возникшихъ между нимъ и Аракчеевымъ, вынужденъ былъ выйти въ отставку и болѣе въ военной службѣ не служилъ. Въ 1812 году былъ московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и принималъ дѣятельное участіе въ формированіи ополченія; умеръ въ Москвѣ въ 1853 году на 87 году отъ рожденія. Отъ него родился составитель напечатанныхъ выше записокъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ.

Тучковъ, Павелъ Алексѣевичъ, род. 7 апрѣля 1803 г., числился въ пажескомъ е. в. корпусѣ [1]), но воспитывался сначала дома, затѣмъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Получилъ военное образованіе въ пансіонѣ (впослѣдствіи училище колонновожатыхъ) въ собственномъ имѣніи генералъ-маіора Муравьева и на пятнадцатомъ уже году, за отличные успѣхи въ военныхъ наукахъ, былъ произведенъ въ офицеры. Въ первыхъ еще чинахъ молодому Тучкову, бывшему по счету лучшихъ „свитскихъ офицеровъ“, какъ называли офицеровъ генеральнаго штаба, достались въ удѣлъ особенныя занятія. Императоръ Александръ I имѣлъ привычку, во всѣхъ путешествіяхъ своихъ по Россіи, имѣть у себя подробный топографическій маршрутъ со всѣми достопримѣчательностями, что конечно знакомило его съ краемъ лучше, чѣмъ всякое описаніе. Работа эта возложена была на Тучкова

[1]) Получилъ званіе пажа вмѣстѣ съ своимъ братомъ въ честь заслугъ, оказанныхъ Николаемъ Алексѣевичемъ Тучковымъ (дядею его), и въ знакъ особеннаго уваженія Александра I—къ Николаю Тучкову.

и, такимъ образомъ, ему пришлось объѣхать и снять на планъ для государя тысячи верстъ [1]). Въ царствованіе императора Николая I Павелъ Тучковъ занималъ разныя должности [2]), въ 1826 и 1827 годахъ находился при императорской миссіи въ Константинополѣ для составленія военнаго обозрѣнія Турціи и собранія свѣдѣній о вновь сформированныхъ регулярныхъ турецкихъ войскахъ. Принималъ участіе въ войнѣ съ Турціею въ 1828 году, находился при осадѣ Браилова, и потомъ назначенъ капитаномъ надъ вожатыми при главной квартирѣ императора, а впослѣдствіи былъ оберъ-квартирмейстеромъ отряда ген. Ридигера, съ которымъ участвовалъ въ дѣлахъ при Чифликѣ и Костежѣ. Въ 1830 году былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса и участвовалъ въ кампаніи 1831 года противъ польскихъ мятежниковъ, отличился въ дѣлѣ при С. Желткахъ и взятіи Варшавы. Въ 1834 году назначенъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса и флигель-адъютантомъ е. и. в. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ до назначенія начальникомъ штаба гренад. корпуса, написалъ исторію л. гв. Измайловскаго полка [3]). Въ 1840 году произведенъ въ чинъ генералъ-маіора, но по разстроенному здоровью вынужденъ былъ выйти въ отставку. Въ 1843 году Павелъ Алексѣевичъ, по предложенію бывшаго тогда министра государственныхъ имуществъ графа Киселева, поступилъ на гражданскую службу и былъ членомъ совѣта министерства государственныхъ имуществъ. По предписанію министра, ревизовалъ учрежденія министерства въ Саратовской губерніи и за представленный отчетъ удостоился милостиваго отзыва его величества, не смотря на то, что государь все еще былъ имъ недоволенъ за выходъ его въ отставку. Въ 1844 году государь Николай Повловичъ приказалъ Тучкову поступить вновь въ военную службу и назначилъ его деректоромъ военно-топографическаго депо генеральнаго штаба. Въ 1854 году въ чинѣ

---

[1]) Такъ, между прочимъ, Тучковъ составилъ статистическое описаніе Астраханской губерніи.

[2]) Справочный энциклопедическій словарь Старчевскаго, изд. 1848 г., томъ X, часть II, стр. 536.

[3]) Въ 1830 году, а въ 1836 г. онъ написалъ правила для построенія корпусовъ въ боевые порядки и общія колонны, съ чертежами. (Энцик. словарь Старчевскаго стр. 536).

генералъ-лейтенанта онъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба средней арміи, образованной въ виду угрожающихъ дѣйствій со стороны Австріи. По заключеніи парижскаго мира и разформированіи этой арміи былъ начальникомъ резервовъ армейской пѣхоты; въ это же время произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи и удостоенъ званія генералъ-адъютанта. Въ 1858 году Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ назначенъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Въ этой должности, пользуясь общимъ уваженіемъ и любовію всѣхъ жителей и удостоенный (въ 1859 г.) быть членомъ государственнаго совѣта, Павелъ Алексѣевичъ скончался 21 января 1864 года. Лучшимъ доказательствомъ сочувствія Москвы П. А. Тучкову служитъ то, что Москва почтила его особенно-торжественными похоронами и соорудила ему, на средства города, надгробный памятникъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Подъ этимъ памятникомъ похоронена также нѣжно-любимая имъ жена его Елисавета Ивановна, рожденная Веригина. Павелъ Алексѣевичъ отличался своими сердечными качествами и умомъ, добрѣйшимъ сердцемъ, правдивымъ правомъ, начитанностію и образованіемъ; свободно владѣя русскимъ и французскимъ языками, онъ хорошо владѣлъ перомъ, но при своей скромности, не могъ одолѣть врожденной застѣнчивости, а потому не былъ краснорѣчивъ, когда долженъ былъ говорить публично. Онъ отлично чертилъ и рисовалъ, особенно карикатуры, но, задѣвая смѣшную сторону лицъ, обратившихъ на себя его вниманіе своими типами, никогда ихъ не обидѣлъ. Онъ былъ отличнымъ семьяниномъ и находилъ только отраду въ кругу тихой семейной жизни, любилъ горячо свое отечество; при отличавшемъ его особенномъ безкорыстіи, былъ чуждъ всякой мысли честолюбія и по примѣру предковъ своихъ, беззавѣтно былъ преданъ своимъ Государямъ; это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что въ 1862 году П. А. Тучковъ отказался отъ предлагаемаго ему Его Величествомъ мѣста намѣстника Царства Польскаго, чѣмъ даже заслужилъ сначала кратковременное недовольство покойнаго Государя, согласившагося однако вскорѣ съ мотивами отказа и съ тѣхъ поръ удостоивавшаго Тучкова особеннымъ уваженіемъ до самой его кончины. Приводимъ здѣсь письмо Павла Алексѣевича къ бывшему шефу жандармовъ князю Василію Андреевичу Долгорукову, писанное для доклада Государю; въ этомъ письмѣ Туч-

ковъ изложилъ мотивы отказа своего отъ высокаго поста намѣстника въ Царствѣ Польскомъ:

„Милостивый государь князь Василій Андреевичъ! Сколь лѣстно и драгоцѣнно для меня высокое довѣріе Государя Императора въ предлагаемомъ назначеніи, столь-же, по долгу честнаго человѣка, я обязанъ, заглушивъ всякое чувство честолюбія, всякую мысль личныхъ выгодъ, обратиться къ собственной совѣсти, взвѣсить силы и способности мои и честно сознаться: могу-ли оправдать такое назначеніе?

„Послѣ долгаго размышленія о предметѣ столь важномъ, со всею откровенностію я долженъ признать въ себѣ тѣ недостатки, которые могутъ служить вреду самаго дѣла.

„Въ настоящемъ случаѣ необходимы: характеръ независимый и дѣйствія свободныя отъ всякаго посторонняго мѣстнаго вліянія. Могу-ли я заключить въ себѣ эти условія не зная совершенно края и его многосложной администраціи, не зная людей, съ которыми долженъ имѣть дѣло; не имѣя никакихъ политическихъ ни дипломатическихъ свѣденій, ни дара слова, ни свободнаго владѣнія языками, столь необходимаго при ежечасномъ сношеніи съ мѣстными правительственными лицами.

„При такихъ условіяхъ безъ довѣрія къ самому себѣ и при врожденной непреодолимой моей застѣнчивости, какъ отстранить отъ себя невольное довѣріе къ другимъ и постороннее оттого вліяніе и не впасть въ направленіе ошибочное; въ особенности въ ту минуту, когда обстоятельства требуютъ безотлагательныхъ распоряженій и дѣйствій?

„Какъ ни трудна борьба моя съ чувствомъ безотчетнаго выполненія священной для меня воли Государя моего и собственнаго честолюбія и личныхъ выгодъ съ чувствомъ внутренней совѣсти, чести и убѣжденій, но жертва, приносимая мною откровеннымъ сознаніемъ моей неспособности, при настоящемъ случаѣ, отстраняетъ вредъ ошибочнаго выбора, вредъ Государю и отечеству.

„Да проститъ меня великодушно Государь за то, что отказываюсь отъ предлагаемаго назначенія, не имѣя другой цѣли, другихъ къ тому побужденій, какъ существенную пользу Его Величества.

„Примите, и проч.... Павелъ Тучковъ.“

Москва.
Декабрь 1862-го года.

Не смотря на ограниченное свое состояніе, Павелъ Алексѣевичъ во время своей жизни много помогалъ бѣднымъ, скрывая даже отъ своего семейства свои милостыни, и его благодѣянія— одна изъ причинъ почему Москва удостоила его такимъ почетомъ и до сихъ поръ чтитъ его память, доказывая, при каждомъ удобномъ случаѣ, свое расположеніе даже членамъ его семейства.

Подлинные фамильные документы, записки, труды, рисунки и чертежи Павла Алексѣевича Тучкова хранятся у старшаго сына его, свиты его величества генералъ-маіора Михаила Павловича Тучкова, которому, а равно и его брату флигель-адъютанту Николаю Павловичу Тучкову, редакція „Русской Старины“ обязана сообщеніемъ выше напечатанныхъ „Записокъ“ ихъ наидостойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ родителя. Ред.